

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ

сатираакция

- Осада
- +1
- Одновременно
- Дом
- Секунда
- Петь
- Радио
для одного

Евгений Валерьевич Гришковец

Сатисфакция (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436915

*Гришковец Е. Сатисфакция: Сценарий, пьесы и лирика: Махаон,
Азбука-Аттикус; М.; 2010
ISBN 978-5-389-01437-4*

Аннотация

В «Сатисфакцию» вошли, помимо одноимённого киносценария, несколько пьес и лирика. Три из четырёх пьес ранее не публиковались. Премьера спектакля «+1» состоялась в мае 2009 года, и по востребованности он конкурирует с «Как я съел собаку». «Осада» вот уже семь лет живёт на сцене МХТ им. Чехова. «Дом» с 2009 года – в «Школе современной пьесы». У спектаклей, поставленных по этим текстам, нет видео– или аудиоверсий.

Приятных вам впечатлений!

Содержание

Сатисфакция	6
Сцена № 1 _ ювелирный салон	6
Сцена № 2 _ титры	8
Сцена № 3 _ утро	9
Сцена № 4 _ совещание	10
Сцена № 5 _ кабинет _ Саши	12
Сцена № 6 _ стройка	15
Сцена № 6-1 _ диалог _ на стройке	21
Сцена № 7-1 _ дом _ Гио	24
Сцена № 7-2 _ бильярд	30
Сцена № 7-3 _ тир	32
Сцена № 7-4 _ Гио и Влад	37
Сцена № 8 _ в машине	38
Сцена № 9 _ собака	40
Сцена № 10 _ вход в ресторан	42
Сцена № 11 _ ресторан _ правила	43
Сцена № 12 _ кухня _ миллион	52
Сцена № 13 _ первые _ деньги	56
Сцена № 14 _ вторая _ кухня	61
Сцена № 15 _ ресторан _ дети	63
Сцена № 16 _ кухня _ макароны	66
Сцена № 17 _ ресторан _ друзья _ и _ одиночество	68

Сцена № 18 _ Дима. остаётся _ один	78
Сцена № 19 _ кухня _ фокус	79
Сцена № 20 _ ресторан _ эксперимент	81
Сцена № 21 _ балкон	84
Сцена № 22 _ кухня _ не лезет	96
Сцена № 23-1 _ ром _ и _ шампанское	97
Сцена № 23-2 _ ром _ и _ шампанское	98
Сцена № 23-3 _ ром _ и _ шампанское	99
Сцена № 23-4 _ ром _ и _ шампанское	100
Сцена № 24 _ ресторан _ всё _ не так уж важно	101
Сцена № 25 _ ресторан _ не лезет	103
Сцена № 26 _ Дима уснул	104
Сцена № 27 _ балкон _ рассвет	105
Сцена № 28 _ ресторан _ конец	106
Сцена № 29 _ Саша в машине	107
Осада	109
Действующие лица	109
* * *	110
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Евгений Гришковец
Сатисфакция: Сценарий,
пьесы и лирика

Друзья!

Хороших Вам
КНИГ!

Находите время для
чтения...

Гришковец

Сатисфакция

сценарий художественного фильма **(В соавторстве с Анной Матисон)**

Сцена № 1 _ ювелирный салон

Продавщица. Ищете что-то конкретное?

Саша. Да. Нет. Не конкретное. Особенное.

Прилавок ювелирного магазина класса люкс. Саша подходит к прилавку, смотрит на выставленные украшения. Девушка достаёт браслет, выкладывает его на бархатной подушечке. Саша берёт браслет, рассматривает, кладёт на место.

Саша. Пожалуй, нет. Знаете, как мы поступим? Вот вы. Что бы вы выбрали, вернее, что бы вы хотели получить в подарок от такого мужчины, как я, чтобы вам захотелось остаться с ним надолго? Тут надо что-то такое, чтобы было понятно: не уходи. Что бы вам хотелось от меня получить, чтобы остаться вот с таким, как я?

Девушка. А на какую сумму вы рассчитываете?

Саша. Нет, это я у вас хочу спросить, на какую сумму вы

рассчитываете.

Девушка. Может, кольцо. Я бы хотела, то есть, я думаю, кольцо.

Саша. Кольцо? Нет, это мы уже проходили. Я же говорю, особенное.

Сцена № 2 _ титры

Город. В параллельном монтаже на крупных планах пишутся слова: «первые деньги», «мороженое», «дети», «одиночество».

Сцена № 3 _ утро

Автобус. В кадре молодой человек в идеально отглаженном костюме, галстуке. Он держит в руках бумаги. Читает несколько строчек, потом, прикрыв глаза, губами повторяет их, то ли заучивая наизусть, то ли просто репетируя.

Молодой человек подходит к офисному зданию. Идет по коридору. Сворачивает в сторону туалета.

Туалет. Осматривает себя в зеркало, достаёт из портфеля губку, смахивает пыль с обуви. Смотрит в зеркало, не прилипло ли что-нибудь к зубам, приглаживает волосы.

Приёмная. Без двух минут десять заходит в приёмную. Секретарша (женщина среднего возраста) бросает на него короткий взгляд.

Секретарь. Комитет по делам молодёжи? Доброе утро. Проходите.

Сцена № 4 _ совещание

Молодой человек открывает дверь в конференц-зал. Внутри просторное, очень хорошо обставленное помещение. За большим столом сидят человек пятнадцать, во главе – Саша. Он стоит, пиджак висит на спинке кресла. Все как один поворачиваются на вошедшего. Все молчат. Молодой человек неуверенно замирает у самой двери, явно не знает, что дальше делать.

Молодой человек. Здравствуйте (это он произносит неожиданно севшим голосом так тихо, что трудно разобрать, тут же откашливается и повторяет громко). Здравствуйте!

Все молчат. Саша находит забавным, что молодой человек так нервничает. Через слишком долгую паузу он отвечает.

Саша. Доброе утро (Саша говорит чётко, но тихо, так, что всем приходится разве что не дыхание задерживать). ВЫ КТО?

Молодой человек меняется в лице.

Молодой человек. Я?... Я...

Саша. Да, вы.

Молодой человек. Я по поводу... вот, собственно (*он делает шаг по направлению к столу, протягивает папку с документами*) . Мне сказали, в десять. Если я не вовремя...

Когда молодой человек говорит про десять, все смотрят на часы. Кто-то отталкивает документы, – они быстро скользят по полированной поверхности стола и уже через полсекунды оказываются в руках у Саши. Но Саша даже не смотрит внутрь папки.

Саша. Раз сказали, значит, вовремя. Только я вами, к сожалению, лично заняться не смогу, ну никак. А вами занимается... Ольга Алексеевна. Вот, поверьте, это почти я. Только лучше. Вам понравится. (*Саша поднимается со своего места, делает знак своему заму .*) Дима, нам пора. А вы, юноша, не стесняйтесь. Расскажите всё про этот ваш благотворительный марафон Ольге Алексеевне, я ведь правильно понимаю, что вы из Комитета по делам молодёжи? Только много у неё не просите. Много можно у меня просить. (*Уже выходит, но останавливается рядом с парнем, говорит так, чтобы слышал только он .*) Не бойтесь. Всё будет хорошо.

Сцена № 5 _ кабинет _ Саши

Саша за столом подписывает документы, бегло просматривая каждую страницу, отработанным движением ставит подпись. Дима наблюдает за ним, раскачивается на стуле.

Саша. *(По телефону.)* М... да... хорошо, так можно. Нет, знаете, как поступим, телефон ещё послушаем, а внешнее можно снять. *(Диме, прикрыв телефон рукой.)* Не качайся на стуле. Ну, я думаю, пару дней точно. Я дальше решу.

Молчание, шелест документов, поскрипывание стула.

Дима. Да-а, у каждого человека должны быть свои слабости...

Саша. Это ты о чём?

Дима. О слезке. За кем на этот раз?

Саша. Зачем тебе вникать в подробности моих слабостей?

Дима. Интересно...

Саша. Раз интересно – значит, расскажу, только чуть попозже. И не качайся на стуле, ради бога! Ты знаешь, что я это не выношу.

Дима подчиняется, впрочем, не скрывая раздражения.

Входит секретарша с подносом. Молча ставит на стол две кружки кофе, вазочку и перед Сашей тарелку с большим красивым бутербродом. Саша берёт бутерброд.

Саша. Спасибо. Лена, я сейчас из офиса уеду, и меня не будет на работе до понедельника.

Секретарь. Как – до понедельника?

Саша. Ну, представьте себе, что я ещё просто не вышел из отпуска. Так что по всем вопросам в понедельник.

Секретарь. Александр Григорьевич, тогда, наверное, сказать Кондрашову, что вы в понедельник на проект посмотрите? Он спрашивал, сможете ли вы зайти.

Саша (*кладёт бутерброд*). Да. Уже сделали?

Секретарь. Только что привезли.

Саша. Какие молодцы, нет, не говорите ничего, я обязательно посмотрю. Так... Дим, я на секунду, ты же не против? Подожди меня, хорошо? Это займёт одну минуту.

Саша выходит из кабинета. Дима сидит один, качается на стуле. Бутерброд притягивает взгляд. Дима долго смотрит на бутерброд. Тянется взять, но не совпадает резким движением с фазой качающегося стула и падает. Черты-хаясь, поднимается. В дверях стоит Саша, в руках у него красная папка.

Саша. Я же говорю, не качайся на стуле. Стул дорогой.

Саша подходит к стеклянной стене.

Саша. Дим, иди сюда. Посмотри-ка на стройку.

Дима. А что не так?

Саша. Почему на развязке работают, а на комплексе тишина? Смотри, вон на площадке вообще никого нет. Кто у нас на этом проекте, Болдырев?

Дима. Он самый. Я его сейчас наберу.

Саша. Не надо никуда звонить. Мы сейчас к ним заедем.

Дима. Уверен? Не лучше предупредить? Ты же ещё два дня как в отпуске.

Саша. Вот именно. Поехали. И, кстати, ты мне сегодня будешь нужен до вечера, так что если у тебя какие-то дела, то лучше отмени.

Дима. Как это – до вечера? У меня весь день по минутам распланирован.

Саша. Ну, по минутам никогда ничего нельзя планировать. Мало ли что может случиться...

Дима. А что может случиться?

Саша. Ну, не знаю. Может, мне на голову кирпич упадёт. А может, тебе.

Сцена № 6 _ стройка

Стройка. Кирпичи, сложенные друг на друга, образующие кубы в человеческий рост (так «ёлочкой» их обычно выгружают на строительных площадках). На этом плане слышен голос прораба (Филютин).

Филютин. Я, правда, не понимаю, Александр Григорьевич. Никаких причин нет. Просто с утра они пришли и сказали, что строительство заморожено. У нас-то всё в порядке. В этой бумаге ничего толком не понятно. Какие-то нарушения странные прописаны, каких у нас не было никогда. Вот, сами смотрите, написано: «сброс строительного мусора в воду». А у нас никогда никаких сбросов не было. И как мы должны устранять последствия того, чего не делали?

Дима смотрит на кирпичи, при этом слушает что-то, что ему говорят по мобильному.

Голос прораба продолжает говорить, не останавливаясь.

Филютин. ...если мы послезавтра не сможем запуститься, то я не знаю даже.

Дима. Я всё понял. Александр Григорьевич сам свяжется с вами в ближайшее время.

Дима кладёт трубку. К нему подходит Саша.

Дима (тихо, чтобы больше никто не слышал) . Короче, всё проще, чем мы думали. Деньги, которые ты дал налом месяц назад Болдыреву, до администрации не дошли. Вот и всё. Это с их стороны такой намёк. Надо, как они и написали, устранить последствия. Оперативно. Я позвоню, чтобы наличку готовили.

Саша ничего не говорит, только кивает иногда в такт словам, параллельно обдумывая ситуацию. Диме явно нравятся возникшие трудности, а главное, то, что он может их решать. У него появляется азарт, а Саша в противовес становится всё сдержаннее.

Саша, Дима и ещё пятеро сопровождающих, осмотрев объект снаружи.

Дима. Филютин, Игорь, можно вас? Скажите, что это за машины?

Филютин. В смысле?

Дима. Ну, посмотри вон туда. Что это за машины стоят?

Филютин. Экскаватор, самосвалы, кран. А что не так?

Дима. А почему на нашем объекте находится транспорт, который принадлежит какой-то, что там написано? Какое-то ООО «Пчёлка». Что это за «Пчёлка», когда у нас есть свои

машины?

Филютин. Я на этот проект пришёл, если вы помните, не так давно, когда уже все договоры были подписаны, техника была пригнана.

Дима. И вы не знали, что у нас есть свой собственный транспорт?

Филютин. Конечно, не знал. Откуда? Мне дали подрядчика, я с ним и работаю.

Дима. А кто дал?

Филютин. Борис Вячеславович, конечно. Болдырев. Он же директор по строительству. Я с ним и работаю.

Дима. И на кого эта «Пчёлка» записана, вы тоже не знаете... (Саши.) Я пробую сегодня, уверен, что это через каких-то подставных его фирма. Вообще всех подрядчиков проверю. (Филютину.) Чтобы этой «Пчёлки» уже сегодня не было. Пойдёмте наверх, посмотрим.

Все надевают каски, кроме Саши, который каску берёт, но несёт в руке. В другой руке зажата красная папка. Дима после секундного колебания тоже проходит без каски. Идут по объекту.

Филютин. Проходите сюда, Александр Григорьевич. Только всех прошу соблюдать крайнюю осторожность, площадка никак не огорожена.

Все останавливаются наверху – это достаточно большая, открытая площадка.

Дима(*смотрит вниз*). А эти почему сидят? Что, заняться нечем?

Филютин. Так раствору нет... Но, Александр Григорьевич, если дадут отмашку, мы всё быстро наверстаем. (*Инженерам.*) Успеем?

Одновременно:

Инженер № 1. Успеем. Когда мы вас подводили?

Инженер № 2. Конечно, успеем.

Инженер № 3. Если начнём, то всё, конечно, успеем.

Филютин. Надо будет – останемся на вторую смену.

Саша смотрит на часы.

Филютин. Болдырев сейчас будет. Мы же не знали, что вы, Александр Григорьевич, сегодня приедете. Но Борис Вячеславович сразу же...

Филютин обрывает сам себя на полуслове, так как видит приближающуюся к ним фигуру Бориса Вячеславовича. Пока Борис Вячеславович приближается, Саша очень медленно надевает на голову каску, которую всё время держал в руке.

Болдырев(*издалека*) . Александр Григорьевич, простите бога ради, что заставил ждать. Я уже с утра кручусь, решаю всё, это какое-то недоразумение, вы не переживайте. Просто тянут. Доброе утро!

Едва Борис Вячеславович подходит достаточно близко, Саша, не говоря ни слова, со всего размаха бьёт его в челюсть. Мужчина падает. Это действие настолько неожиданно и ничем не мотивировано, что все стоят в оцепенении, боясь пошевелиться.

Следующие слова произносит в своей обычной ровной манере мягким, тихим голосом.

Саша. Временно директором по строительству будет Филютин, дальше – решу в понедельник. Игорь Павлыч, вам понятно? Примите все дела сегодня же.

Филютин как замороженный смотрит на каплю крови на идеально чистой рубашке Саши. С трудом отводит взгляд.

Филютин. Да. Хорошо, Александр Григорьевич.

Саша. Продолжайте. Я вами вполне доволен. Дима, пойдём. Всего доброго.

Саша и Дима отходят, а вся группа так и стоит, не ше-

велясь. Уже не слышно шагов, а они всё не двигаются.

Сцена № 6-1 _ диалог _ на стройке

Саша и Дима идут к машине по строительной площадке.

Дима. Это всё, конечно, было очень эффектно. Но ты бы хоть предупреждал.

Саша. Было бы не так эффектно. Причём ни для тебя, ни для меня.

Дима. Я серьёзно.

Саша. Я тоже. Не стоит недооценивать эффекты. Ты что думаешь, я это планировал? Но если заврался человек. Причём за мои же деньги? Ты думаешь, я хоть кому-то позволю мне так врать?

Дима. Ничего подобного я не имел в виду.

Саша. Чтобы мне врать, надо быть: «а» – умнее меня, что случается, умнее меня бывают... «б» – хитрее меня и целой службы безопасности, что практически невозможно, и «в» – иметь билет в какую-нибудь Швейцарию с открытой датой.

Дима. Зачем?

Саша. Затем, что я всё равно узнаю.

Дима. Тебе не кажется, что в твоих словах как-то пафоса многовато, особенно если вспомнить этого жалкого Бориса Вячеславовича?

Саша. А я и не про него говорю. Он так. В воспитательных целях. Я говорю про серьёзный обман. Например, когда речь

идёт об очень больших деньгах. Или о моём доверии.

Дима. Всё равно я с такими воспитательными методами не согласен. Что это такое? Уволить его – святое дело. Но устраивать такую публичную сцену...

Саша. Я оправдываться перед тобой не собираюсь. Если ты сейчас намерен, как обычно, поведать, что «у вас в Англии» было не так...

Дима. Мне кажется, уже и тут не так.

Саша. Я тебя просто сразу предупреждаю. У меня сегодня не то настроение.

Стоят возле машины, чистят обувь. Через паузу продолжает.

Саша. Как ты не чувствуешь ситуации? Это был единственный верный вариант. Он ведь не один, не в вакууме работал. Я на все сто уверен, что кто-то ещё был в курсе. Но убрать вообще всех я не могу. Специалистов в этом городе других нет. Так что страх – важнейшая составляющая честности.

Дима. А как же уважение?

Саша. Страх – это честность, а уважение – это порядочность. Чувствуешь разницу? По крайней мере, для провинции это правило действует.

Дима. Есть ещё вариант. Ну, чтобы обманывать. Можно быть дураком.

Саша. Я это учту. Ты думаешь, я удовольствие получил? Нет. Нет. Ты думаешь, я не прав, да? Да, я не прав. Нецивилизованно? Абсолютно. Я тебе больше скажу, на меня за такое в суд подать надо. Но никто не побежит. И этот Болдырев тоже. Потому что все всё поняли, и никто ничего не скажет. А Болдырев в тот момент даже был счастлив. Потому что он понял, что всё, что он наворовал, останется при нём. Я его больше не трону. Так что это тебе, Дима, не Лондон. И даже не его окраина. Чёрт, руку содрал, надо чем-то заклеить.

Дима. Саш, что я за тобой таскаюсь, а? У меня дел по горло. Ты езжай один, а я в офис.

Саша. Нет. Я же тебе уже говорил: мне надо, чтобы ты был со мной. Весь день. Это важно. Так что позвони, и если у тебя есть какие-то дела, то отмени. Ты же хотел про слезку узнать. Вот всё и узнаешь.

Дима. Ты действительно сегодня какой-то взвинченный. С тобой разговаривать бесполезно.

Саша. Наоборот, я спокоен. Но предельно сконцентрирован. А вот ты нервничаешь.

Сцена № 7-1 _ дом _ Гио

Дверь туалета. Слышен звук льющейся воды, потом кран закрывают. Из дверей выходит помощник Гио Влад, стряхивая с рук воду. Замечает вошедших Сашу и Диму. Саша не расстается с папкой.

Влад. Здравствуйте, Александр Григорьевич. Вы к Гио? (Вытирает руку о брюки, протягивает Диме, которого он раньше не видел.) Влад.

Дима жмёт руку в ответ.

Дима. Дима.

Дима достаёт платок, вытирает мокрую руку. Втроём идут по коридору, сворачивают, заходят в просторный зал. Там полным ходом идут приготовления к какому-то празднику: традиционные гирлянды из шаров, ленты, цветы, расставляются столы. На небольшой сцене репетирует какой-то коллектив.

Влад. Гио, к тебе пришли.

К Саше и Диме разворачивается Гио, стоявший до этого

стиной. Тут же оба оказываются ослеплены вспышкой фотоаппарата.

Гио. Саша, как дела, дорогой? Дима, привет.

Дима. Привет, Гио.

Саша. Привет, что это ты с фотографическим аппаратом?

Гио. Потом подарю тебе портрет.

Делает ещё один снимок.

Дима. У вас какой-то праздник? Юбилей?

Гио. Да, большой праздник! У сына день рождения – его крестник, между прочим.

Саша. Угу, серьёзный юбилей. Не слушай его, Дим. Ребёнку четыре года исполняется.

Гио. А разве это не юбилей? Ну как, красиво?

Дима. Масштабно.

Саша. Лучше сразу говори – богато.

Гио. А как по-другому? Дети...

Саша. Да что ты говоришь? Четыре года! Он даже не оценит. Я вообще против таких масштабных торжеств для вполне частного праздника. А уж для ребёнка.

Гио. Вот твои дети потом моим и завидуют.

Саша. Зато не теряют чувства реальности.

Гио. Мои тоже не потеряют. Подрастут – я лично прослежу.

Саша. Струнный оркестр ещё закажи.

Гио. Так будет! Скрипачи поиграют и эта... арфа!

Саша. Да-а-а, парень в четыре года только и мечтает, что послушать твоих скрипачей. И арфу, конечно! «Папа-папа! Хочу арфу! Пусть тётя поиграет!» Гио, слушай, я завтра, к сожалению, не смогу быть. Вот, правда, дружище, никак.

Гио. Ты так даже не говори.

Саша. Ну, поверь мне. Чтобы ты не обижался на меня, мне сегодня ещё такая ночь предстоит, что завтра...

Гио. Чем-то могу помочь?

Саша. Нет, старик, тут только сам. И хотел бы, чтобы кто-то взял и помог. Только помочь никто не может... а подарок от меня завтра привезут, обязательно.

Гио смотрит в сторону, фотографирует что-то. Саша и Дима машинально смотрят в ту же сторону – там нет ничего, кроме коробок с декором и перевернутого стула.

Саша. Ты это чего?

Гио. А видишь, как тень падает?

Саша. Не поверишь, Гио. Только зашёл, сразу гляжу – тень! Ты что это у нас увлёкся высокохудожественной фотографией?

Гио. А ты зря иронизируешь. Это искусство.

Саша смотрит ещё раз на перевернутый стул.

Саша. Вот теперь я вижу. Господи, как тень-то падает!

Гио. Ай, перестань! Я просто понял, что творчество... Творчество – это самое главное. Вот купил аппаратуру, и прямо другая жизнь началась. Всё вижу по-другому. Возьмём, например, кино. Я тебе так скажу: никто снимать не умеет! Дилетанты сплошные! И где их только находят?

Мимо Гио, Саша и Димы проносят несколько абстрактных фотографий в рамках, вешают на стену.

Дима. А это что, тоже ваше?

Гио. Да... решил сделать маленькую выставку заодно, для своих. Так сказать, вернисаж. Пусть дети с малых лет тянутся к творчеству. Что мы с тобой, Саш, видели в детстве? А если бы нам дали кисточку? Разве б так мы жили? Но творчеством заняться никогда не поздно! *(В сторону.)* Эй, вы что делаете? Вы же её вверх ногами вешаете!

Подходит и сам переворачивает фотографию.

Гио. Вот ведь, не чувствуют.

Саша. Действительно, так всё сразу заиграло.

Гио. А-а-ай...

Саша. Я бы на твоём месте знаешь что сделал? Надо придумать какие-нибудь названия. Концептуальные. Вот эту

можно назвать... вслушайся – «Подступает». Только вдумайся: «Подступает»... Или ещё можно: «Надвигается»...

Гио. Я никогда не пойму, ты серьёзно или шутишь?

Саша. Конечно, серьёзно.

Дима. Мне эта нравится.

Гио. Я тебе подарю. Хороший ты парень, Дима. Ты мне адрес дай, я тебе пришлю. Только выставка пройдёт.

Саша. Он тебе потом адрес даст.

Дима. Да мне правда нравится! Я бы на стену повесил.

Саша. Ну и повесишь! Было бы куда вешать. А мне во-о-он тот нравится. Это у тебя, видимо, «Незнакомка». – Саша показывает на неожиданный среди других работ портрет красивой девушки. – Дарить не надо. Просто дай телефон.

Гио. Это раннее.

Саша. Вот твой ранний период мне понятнее.

Гио. Вообще, с названиями – это хорошая мысль.

Совершенно неожиданно со всех сторон обрушивается запущенная кем-то фонограмма Верди.

Гио. Опера! (*Напевает.*) Верди! Саша, а ты... нет не ты, Дима, скажи, а ты любишь оперу?

Дима. Люблю. Очень.

Гио. Молодец. Я в тебе не ошибся! Я тебе диск тоже подарю. Фотографию потом пришлю, а диск сразу подарю.

Саша. Пойдём, где потише. Я тебе ещё хотел сказать кое-

что.

Гио. Сейчас! Секунду.

В кадре три картонные коробки с дисками. На них маркером подписано: «опера», «балет», «романс». Из коробки «опера» Гио достаёт диск, при этом видно, что в коробке все диски одинаковые.

Гио. Это тебе, Дима. Слушай! Опера – великая вещь!

Сцена № 7-2 _ бильярд

Заходят в бильярдную. Гио берёт кий, жестом предлагает Диме присоединиться.

Дима. Я лучше посмотрю.

Саша. А я с удовольствием сыграю. *(Саша кладёт палку на подоконник.)* Ты готов воспринимать информацию?

Игра, во время которой Саше едва удаётся забить хоть один шар, причём даже из выгодных позиций.

Гио. Всегда готов. Я долго думал, когда ты уехал. И пришёл к выводу, что ты прав. Не вижу ни одного варианта, как с ним можно договориться. С другой стороны, без него мы ни на торги не влезть, ни разрешения не получить. То есть всё-таки никак без него не обойтись.

Саша. Обойдёмся. Мне тоже казалось, что с этим проектом можно распрощаться. Но ситуация изменилась. *(В очередной раз не забивает.)* Он вчера попал под машину. Я за этим и приехал.

Гио *(не выходя из своего приподнятого настроения)* . Печально. Теперь все по улицам носятся как ненормальные. А наше дело, видимо, правое.

Саша. Получается, что так.

Гио. А кого ставят вместо него?

Саша. В понедельник обсудим. Сегодня у меня времени нет, а на бегу такие вещи – сам понимаешь.

Гио. Понедельник – так понедельник.

Саша. Это не всё. Я тебе кое-что принёс.

Саша идёт к подоконнику, берёт папку.

Саша. Можно сказать, подарок ко дню рождения сына.

Гио открывает папку, смотрит на первую страницу, поднимает голову, вопросительно смотрит на Сашу. Саша кивает. Гио закрывает папку.

Гио. Вы не сильно торопитесь? Ещё пять минут есть, чтобы я хоть вскользь посмотреть успел? Я на завтра тир заказал, а раз тебя не будет, пойдёмте.

Саша. Тир? Это интересно.

Гио. А ты думал, я завтра заставлю народ с клоунами хоровод водить? Я же сказал, у меня всё продумано. Целая программа. Должны уже всё установить.

Сцена № 7-3 _ тир

Задний двор. Действительно, заканчиваются все приготовления. Мишени уже установлены. Саша и Дима ждут Гио.

Дима. Ловко ты ему проиграл. Это надо уметь так вовремя проигрывать.

Саша. Не говори глупости. Я просто не умею играть в бильярд.

Возвращается Гио в сопровождении людей, которые выносят оружие. Гио с диском, который сразу протягивает Диме.

Гио (*поворачивается к Саше*). Ну, Саша, ты у нас специалист. Давай.

Помощники выносят оружие. Саша разглядывает оружие.

Саша. Ты что, с ума сошёл? Это же настоящее.

Гио. Я старался. Не скажу, что было легко. В какой-нибудь Москве фиг бы получил разрешение. Попробовать хочешь?

Дима. А мне можно?

Гио. Разумеется. Всем можно. Выбирай, из чего стрелять будешь.

Саша. Гио, ты что, не понимаешь? Это настоящее оружие. Все же будут пьяные.

Гио. Ты не переживай. Я что, по-твоему, не понимаю? Дети там, а мы здесь в самом начале постреляем, когда все ещё будут в порядке. Ну, сам подумай, что я буду взрослых мужиков развлекать, как младенцев каких-то? К тому же дома у каждого из них по такому же. Всё под контролем. Попробуйте, я пока подарок посмотрю.

Гио только открывает папку, как во двор заходит Влад, спешит к Гио. Потом заходят ещё трое. Они ещё пересекают двор, а Саша сразу встречается взглядом с одним из вошедших. Долгий взгляд. Видно, что оба не ожидали встретиться здесь друг друга. Дима, видя такую реакцию, тоже сразу напрягается.

Влад. Гио, я их сюда пригласил, ничего?

Гио. Ничего. *(Тихо.)* Надеюсь. Саша, ты нормально? Или их сразу попросить отсюда.

Саша. Под контролем. Быстро. Седьмая страница.

Гио быстро перелистывает до нужной страницы, бросает только один взгляд.

Саша. Зачем он здесь?

Гио. Это мы сейчас узнаем. Но не по моему приглашению.

Саша. А подарок кстати.

Гио дочитывает седьмую страницу.

Гио. Не то слово. Всё-таки это он... Ну-ну.

Троица подходит. Двое явно охранников останавливаются на расстоянии. Бандит подходит.

Бандит. Гио. Саша. *(Вопросительный взгляд.)*

Дима. Дмитрий.

Бандит. Значит, тезки. Тоже Дима.

Тишина. Все ждут, когда кто-нибудь заговорит первый. Саша медленно разворачивается, берёт со стола оружие, выбрав из предложенной линейки одно.

Саша *(говорит медленно, акцентируя каждое слово)*. «Глок». Стандартная семнадцатая модель. *(Бандит напрягается.)* Красивое оружие, дорогое. Даже звучит дорого. Полимерный материал корпуса стоек к агрессивной окружающей среде, в то же время благодаря пластиковой раме оружие крайне лёгкое. Полный вес вместе с обоймой из семнадцати патронов, подчёркиваю, из семнадцати, не превышает

ВОСЬМИСОТ ВОСЬМИДЕСЯТИ ГРАММОВ.

На словах про семнадцать патронов Бандит напрягается чуть больше, впрочем, не он один. Саша спокойно продолжает «лекцию».

Саша. Чтобы подтвердить, что австрийцы изобрели практически вечное оружие, «Глок» подвергали самым мощным испытаниям. Его бросали с самолёта, стреляли «всухую», полностью убрав смазку и, что интересно, из-под воды. *(Пауза.)* Рабочая температура от минус сорока до плюс двухсот. Впечатляет, правда? А вы знаете, что 11 января четыре года назад было минус тридцать семь градусов? Потрясающая точность, отсутствие осечек и самопроизвольных выстрелов.

Бандит. Точность высокая. Кстати, 11 января четыре года назад в Сочи было плюс пятнадцать – я как раз отдыхал. В Сочи. Ананасы кушал.

Саша. А это мы знаем.

Бандит. Хорошо, что знаете. Знание – сила.

Саша. Я люблю «Макаров» – неказистый, грубый. *(Берёт «Макаров».)* Меня сам подход привлекает. «Макаров» – оружие не прицельное, а интуитивное. Тут всё дело в том, кто кого переинтуичит. А это уже совсем другая история. Отношения, выстроенные на интуиции, изначально красивее. У меня интуиция.

Саша стреляет, попадая в самый центр.

Бандит. Мне пора.

Саша. Интуиция?

Бандит. Интуиция. Гио, я к тебе ещё заеду. У меня к тебе личное дело. Не по телефону. Когда ты один будешь?

Гио. Не сегодня и не завтра. Но один я с тобой дел обсуждать не буду.

Бандит. Понятно. Мне всё ясно.

Разворачивается и выходит вместе со своей охраной.

Дима. Что это было?

Гио. Ты это зря, Саша. Опасно так себя вести.

Саша. Я просто рассказывал про оружие. Кто какие из этого выводы сделал – не мои проблемы.

Гио. Это всё очень серьёзно.

Саша. Оружие – это вообще серьёзная вещь. Смотри. (*Саша очень быстро полностью разряжает пистолет.*) Видишь? Пустой. С гарантией пустой. Ничего быть не может, я даже палец держу не на курке. (*Наводит пистолет прямо на лицо Димы.*) Страшно? Страшно. И мне страшно. Вот она, суть оружия.

Сцена № 7-4 _ Гио и Влад

Закрывается кофр с оружием, двое мужчин выносят оружие со двора. На ступенях дома сидят Влад и Гио.

Гио. Вот Саша. Пафосный мужик, ой пафосный. Но я точно знаю: случись что со мной, не дай бог, конечно, он и крестника и всех остальных детей поднимет. Это с гарантией. Так что с крёстным я угадал. Но пафосный... Слышал, как он про «Макаров» говорил? Позёр! В женщинах вообще ничего не понимает. Сколько его знаю, почти десять лет? Каждый год у него повторяется одна и та же история. По кругу. В женщинах – полный ноль, хотя в остальном вроде бы умный. Поводов сомневаться нет. Ах да, бильярд – тоже, совсем. А в остальном...

Сцена № 8 _ в машине

Саша и Дима садятся в машину.

Саша. В искусстве ничего не понимает, а туда же. Теперь фотограф! Хорошо, не живописец. Так, у нас последнее на сегодня дело. Разберёмся с ним, и ты свободен.

Дима. Отлично.

(Через паузу.)

Дима. Что, так и не скажешь?

Саша. О чём?

Дима. Не прикидывайся. За кем слежка? За ней? Я всё утро думал. Если б по бизнесу или конкуренты, то я бы знал, да и вообще, за кем там следить... Так что остаётся только один вариант.

Саша. Дима, я за женой никогда не следил и следить за женой не буду. За женой никогда. Ты понял?

Вдруг что-то на дороге привлекает Сашино внимание.

Саша. Стой! Тормози!

Водитель в недоумении ловит взгляд Саши в зеркало зад-

него вида.

Саша. Живо. Тормози, говорю! Да давай же!

Сцена № 9 _ собака

Водитель останавливается прямо посреди трёхполосной дороги, включает аварийку. Саша выскакивает из машины ещё на ходу. На встречной стороне (тоже трёхполосной) дорогу пытается перейти маленькая собачка. Собачка в ошейнике с медалями, явно домашняя, явно потерялась и теперь мечется, пытаясь перейти дорогу. Машины притормаживают в последний момент, Саша бросается наперерез потоку, жестом останавливая машины. Его по какой-то причине слушают и пропускают. (Опять должно быть снято с ощущением опасности. Переходит на встречную полосу, наклоняется, чтобы взять собачку на руки, как вдруг видит, что на него мчится автомобиль (из «гонщиков»). Саша невероятным образом успеваешь отскочить, и два сантиметра отделяют его от гибели. Шмякающий удар, звон медалей. Машина, не сбавляя скорости, исчезает. Одна из медалей с ошейника собаки катится по дороге, падает прямо у ног Саши. Саша поднимает медаль, крутит её в руках, кладёт в карман, параллельно достаёт телефон, набирает номер.

Саша. Алло. Это Саша, ага, здорово, Коль. Коля, нужна твоя помощь. Черкани где-нибудь номер. Пишешь? У204КК. Записал? Да, подонок, собаку сбил. Не, наказывать

не надо, просто пусть он больше не ездит по улицам нашего города, ладно? И если он окажется чей-то сынок, то запомни, что я тебе как друг важнее. Мы же любим наш город. Всё, давай.

Сцена № 10 _ вход в ресторан

Подъезжают к непростому ресторану.

Дима. У нас здесь встреча?

Саша. Здесь.

Дима. Слава богу, ресторан, а то со всеми твоими делами я даже не пообедал.

Саша (*водителю*). Вить, подай папку. Спасибо.

Поднимаются по ступенькам. На двери висит табличка: «Закрyто на спецобслуживание». Саша, игнорируя эту надпись, толкает дверь. Дима заходит за ним. Им навстречу спешит владелец ресторана. Видимо, они с Сашей сегодня уже общались, так как не здороваются, директор только мельком кивает Диме.

Саша. Всё готово?

Ресторатор. Да, всё по списку. Не переживай, я лично всем занимался. Вас никто не побеспокоит.

Саша. Спасибо тебе.

Ресторатор. Что ты! Я перед тобой в таком долгу, что... В общем, я рад помочь хотя бы в такой малости. Сюда проходите, я вам в банкетном зале всё приготовил. Саш, ты позовёшь, когда вы переговорите, да?

Сцена № 11 _ ресторан _ правила

Заходят в банкетный зал. Все столы пустые, с перевернутыми стульями. Ближе к открытому балкону (даже скорее террасе) стоит накрытый на двоих стол. Рядом сервировочный столик. На нём находятся: видеокамера, чистые кассеты, один аудиодиск, папка с документами, хрустальный колокольчик.

Саша и Дима садятся за стол.

Саша достаёт мобильный телефон, отключает.

Саша. Телефон... (отключает свой) , телефон отключи, пожалуйста.

Дима. Зачем?

Саша. Ну... чтобы не беспокоили.

Дима достаёт свою трубку.

Дима. Важный разговор?

Саша. Да, очень важный.

Дима кладёт свою трубку на стол.

Саша. Так, начнём, пожалуй.

Дима. А что, больше никого не будет?

Саша берёт папку, протягивает Диме.

Саша. А больше никто и не нужен.

Дима берёт папку. Раскрывает её. Выкладывает на стол фотографии, распечатки телефонных разговоров и SMS, какие-то отчёты.

На фотографиях Дима.

Саша. Красным цветом выделены её звонки тебе. Синим – твои ей. Ну так кто ты у нас? Умный и хитрый или дурак?

Дима. Всё-таки за ней следил...

Саша. Нет. Я же тебе говорил, что за женой не буду следить никогда. Это же ты, Дима. Это за тобой.

Дима. Не понял. За мной? А зачем? Мог меня спросить, я бы и так сказал. Столько работы проделано. Ты же это не серьёзно?(Натыкается на железный взгляд Саши; длинная пауза.) Ты серьёзно. Чего ты хочешь?

Саша. Сатисфакции. Полной сатисфакции.

Саша звонит в колокольчик. Открываются двери, неслышно заходят официант и секундант. Один катит перед собой столик (большой хромированный из арсенала профессионального ресторана), который весь заставлен алкогolem. Второй держит в руках саквояж.

Дима. Дуэль, что ли? Если это шутка какая-то, розыгрыш, то это неостроумно. Саша, я, прости, не понимаю. Если б я тебя подвёл по работе, если б я тебя где-то кинул – другое дело. Но из-за неё... Саш, ты же вроде бы адекватный человек. Она же... лучше не буду говорить...

Саша. Как у обиженной стороны, у меня есть право выбирать оружие. Будем пить, по правилам. Правила следующие. Мы пьём алкоголь. Крепкий. Кто первый вырубится, тот и проиграл. С одним напитком – это слишком долго. Будем мешать. А то, конечно, в тебе веса в полтора раза больше, чем во мне. Пьём одинаково, одновременно.

Официант ставит на стол бокалы и стаканы, профессионально выравнивая их по одной линии.

Дима. Саша, очнись, ты меня вообще слышишь?

Саша. Более того, я назначил призовой фонд. Один миллион. Если ты побеждаешь, ты забираешь деньги и уезжаешь куда хочешь. С ней. Деньги не для тебя, а чтобы у неё был тот уровень жизни, к которому она привыкла, хотя бы ненадолго. Если выигрываю я, ты тоже уезжаешь. Но ни с чем. И куда я скажу.

Секундант открывает саквояж, демонстрирует деньги. Ставит на стол.

Дима. Саша, я ещё не совсем понимаю, что ты затеял, но ты заигрываешься. Я сейчас уйду, а завтра мы с тобой поговорим. Я надеюсь, наша дружба важнее, чем... – какая по счёту? – четвёртая жена, сколько ты с ней вместе? – полгода? Чуть больше? Мне даже смешно.

Саша. Закуска. Это важно. Будет только небольшая закуска. Смотря сколько будем сидеть. Через два часа, если захотим, может, поедим. Разговариваем. Отсюда не выходим. Зашли – всё. Не выходим. Если кто-то решил выйти, значит, он решил выйти из игры. Проиграл.

Секундант заряжает кассету в камеру, устанавливает на штатив так, что в кадре оба. Секундант выходит в сторону входа, официант – в сторону бара.

Дима. Это что?

Саша. Для чего снимаем? Поверь опыту, может понадобится фотофиниш, потому что можем не помнить. Потом просмотрим. Эти записи никто не увидит, я в этом заинтересован больше, чем ты. Телефоны отключаем, но это я уже говорил... Дальше. За собой следить. Без мата обходимся. Сматерился три раза – проиграл. Значит, себя не контролируешь. Один раз матерное слово – штрафная. Применение физической силы запрещено полностью, то есть если полез драться... а такое может случиться, мы ведь будем разгова-

ривать. Сорвался – проиграл. В туалет в сопровождении.

Дима. Да с какой всё это стати?

Саша. Ты про туалет? А вдруг ты там блеванёшь или я? Кто блеванул – проиграл.

Дима. Боже мой, неужели ты... её любишь? Ты? Её? Нет, точно дело не в этом.

Саша. Мы разговариваем только на заданные темы. Вот, я тут кое-что написал.

Саша достаёт из кармана листочек с темами, Дима качается на стуле.

Саша. Первая тема. Мороженое. Не качайся на стуле.

Длинная пауза. Оба молчат. Дима встаёт, берёт стул, поднимает и кидает рядом.

Дима. Какое ещё мороженое? Ты вообще псих? Что, поглумиться захотелось? Поиздеваться? Силу свою почувствовать, да? Чёртов психолог! Думаешь, так тонко сегодня мне намекал про обманутое доверие? Думал, я не догадаюсь? Да мне все эти твои дешёвые афоризмы уже вот где сидят! С чего ради? Что это ещё такое. С какой стати я должен уехать? Почему я должен во всём этом участвовать? Я, слышишь, я-ни-ку-да-не-по-е-ду.

Саша наблюдает с невозмутимым видом, никак не реагирует, берёт пачку сигарет, достаёт сигарету, ищет зажигалку.

Саша. Сейчас, только зажигалку найду.

Саша выходит из кадра, слышно, как он прикуривает, возвращается с сигаретой, садится.

Саша. Сядь.

Дима. Сразу. *(Пауза.)* Лучше сразу. К чему эта комедия с мороженым? Всё ведь понятно. Что ты там мне уготовил? Только давай сразу. Без изысков.

Саша. Сядь.

Дима не двигается.

Саша. Сядь *(ещё тише)* . Пожалуйста.

Дима медленно подходит к столу, поднимает стул, садится.

Дима. Что ты хочешь от меня?

Саша. Ещё раз. Мы пьём. Если ты меня перепиваешь, ты получаешь всё и уезжаешь из этого города. Надолго. Если нет, тоже уезжаешь, но на других условиях.

Дима. Я тебе не верю. Понимаешь? Совсем не верю. Господи, да я же тебя знаю.

Саша. Не обманывайся. И не льсти себе. Ты меня совсем не знаешь. Успокойся. У тебя выбора всё равно нет.

Дима. Я не понимаю, какой смысл во всём этом?

Саша. Смысла даже больше, чем ты можешь себе представить. Ты в этом ещё убедишься.

Дима. Но я не хочу никуда уезжать. Я не понимаю, с какой стати я должен.

Саша. А ты прояви сообразительность. Как ты умеешь. Город маленький. Очень маленький. Ты думаешь, я сам догадался? Проинтуичил? Люди сказали – я не поверил. Я вообще последний узнал. Смотри, мы с тобой сейчас здесь сидим, а к утру уже все, кому надо, будут об этом знать. Я же не могу совершить какой-нибудь экстравагантный поступок, например, привезти тазик с цементом. Я придумал цивилизованный и очень современный способ, в надежде, что ты оценишь. Ты же мне не чужой человек, – вот я и постарался выбрать способ помягче. Но оставить тебя здесь я не могу. Ко мне будет слишком много вопросов, на которые я не смогу ответить. Я не могу сказать, что был бы в восторге видеть тебя каждый день, работать с тобой дальше. Но это я сумел бы пережить. А вот ответить на вопросы не смогу. Если меня спросят, почему это он, такой красивый, тут ходит, на это я ответить не смогу. И на правила, которые есть в городе, наплевать не смогу. На какие-то плюю, на это – нет. Мне с

людьми работать. Подумай, и ты сам всё это поймёшь. Иначе нельзя.

Дима. Ты хочешь, чтобы я с тобой говорил про мороженое?

Саша. Для начала – да.

Дима закрывает лицо руками, с шумом выдыхает.

Дима. Значит, мороженое...

Саша. Не хочешь, не говори. Давай я тебе расскажу.

Подходит официант, чтобы разлить по первой порции алкоголя.

Саша. Не надо пока. Мы сами. Если не будем справляться, тогда...

Наливает Диме и себе по первой рюмке. Саша берёт свою рюмку, поднимает и долго держит, глядя на Диму. В конце концов Дима тоже берёт рюмку.

Саша. Ну, вот и хорошо. Что же мы, не чокаясь?

Дима. Надеюсь, без тоста.

Саша. Пока без тоста.

Оба выпивают.

Саша. Хорошо, что ты принял условия.

Сцена № 12 _ кухня _ миллион

Службное помещение, кухня. В углу сидит поварёнок, во время всей сцены учит английские слова по словарю.

Поварёнок. Солджер, Солд-жер, пик самбоди ап, солд-жер...

За столом лицом к камере Настя и Повар (Женя) играют в карты. С противоположной стороны Официант № 1 (Паша). Входит Официант № 2 (Миша), останавливается, окидывает всех взглядом, танцует на месте.

Миша. Прошёл гениально.

Повар. Ты чего?

Миша. Только что видел миллион долларов. У меня стресс.

Настя. Какой миллион?

Миша. Такой миллион, миллионный миллион. В пачках! А пачки в сумке. Кстати, сумка какая-то небольшая.

Паша. Мне бы такую сумку.

Миша (*Насте*). Что ты так удивляешься? Маленькая, что ли, кино не смотришь?

Настя. Они, наверное, ненастоящие.

Миша заглядывает в карты Паши. Обходит стол, становится рядом с Настей.

Паша. Конечно, ненастоящие. Ради каких-то двух при-
дурков, которые даже не жрут ничего, закрывают ресторан.
Ненастоящие!

Миша. Сто процентов настоящие. Дамой ходи, у него бу-
бей нет. Это же Верховин, Александр, вы не поняли?

Повар. Бубей нет?

Настя. Верховин?

Миша. Верховин, это «РДС групп» – ну, эти реки, дома,
самоходы...

Паша. Самокаты.

Повар. Самолёты. Реки, дома, самолёты.

Миша. У него только настоящие.

Паша. А знаете, зачем ему миллион? На почку!

Повар. Правильно приготовить почку – искусство.
Прежде всего, когда разделываешь тушку, главное – не по-
рвать мочевого пузыря.

Настя (*перебивает*). Что значит – на почку?

Миша. На такую почку, которая вот тут находится (*пока-
зывает на себе*).

Настя. Я думала, почка здесь (*показывает на другой бок*).

Миша. У вас, может, и тут.

Паша. У вас вообще всё по-другому.

Миша. Тот, который Верховин, покупает почку у того, ко-

торый второй. Для пересадки.

Настя. Что за извращение?

Миша. Где миллион долларов, там всегда какое-то извращение.

Повар. Ты ещё не знаешь, что такое извращение.

Паша. Почему сразу извращение? Он же не для себя, а для папы, а папочка у него с одной почечкой. Помнишь, у него такой папа, ещё всё время «Нарзан» пьёт? Так он поэтому и «Нарзан» пьёт, что без почки. А в последнее время и «Нарзан» не пьёт. Так... всё больше смотрит...

Миша. Они обсуждали, что будут пить весь вечер.

Настя. Зачем?

Миша. Почку проверять.

Настя. Эх, мне бы дали миллион долларов. Уж я бы... так, это готовое? (*Указывает на закуску*).

Повар. Да, готово.

Миша берёт тарелку, переходит на другую сторону, встаёт рядом с Пашей, тарелку ставит между собой и Настей.

Настя. Дай мне этот ваш фартук, я отнесу.

Миша. Почему это ещё?

Настя. Мне, лично, просто интересно посмотреть на миллион.

Паша. Будешь улыбаться, не ошибись с выбором: у одного

лишний миллион долларов, у другого лишняя почка.

Миша. Можешь не стараться. У него девица, скажи, да? Офигительная! Даже лучше предыдущей. Хотя та тоже была как надо.

Паша. Вот с такими сисяндрами.

Настя. Это как же, по-твоему, надо?

Паша. Ну, нет так.

Сцена № 13 _ первые _ деньги

Саша. Дим, ты не против, я включу камеру?

Дима. Да делай что хочешь, мне вообще всё равно.

Саша подходит к камере, пытается включить запись.

Саша. Не знаешь, как это работает? Я с техникой не очень-то...

Дима. Ну-ка, дай посмотрю. *(Подходит к камере, нажимает «запись».)* Всё, заработала. Вон кнопка-то.

Возвращаются за стол.

Саша. Мороженое – это вещь фундаментальная, я могу тебе целую философию развернуть. Вот, например, ты какое мороженое любишь?

Дима. Господи, я не знаю. Какой ответ правильный?

Саша. Правильных ответов не бывает. Так ты любишь мороженое?

Дима. Ну, люблю.

Саша. Это хорошо. Люди, которые не любят мороженое, я давно заметил, – это такие люди, с которыми я никогда договориться не смогу. Это каким-то необъяснимым образом связано. Нелюбовь к мороженому – это какой-то душев-

ный изъян. Знаешь, бывают такие люди, которые говорят, что не любят сладкое. Что надо в себе предать, чтобы не любить? Никогда не есть мороженое? И вообще, любить, скажем, клубничное мороженое – это не то же самое, что шоколадное. Ты никогда не замечал?

Дима. Нет. Я вообще про мороженое не думаю.

Саша. Я тоже не могу сказать, что думаю про мороженое. Согласись, это было бы странно. Просто однажды я заметил, что если девушка заказывает какую-нибудь смесь манго, клубники и ещё какой-нибудь мыльной отдушки, то... всё понятно. Ты же понимаешь, что базу можно подо что угодно подвести, вот я и подвёл. Дима, ты расслабься. Я специально начинаю с такой темы. Подвоха нет. Просто с чего-то надо начинать. Да и тебе не мешает успокоиться. Правда, расслабься. Присоединяйся к беседе. По крайней мере, в этой теме никакого второго дна нет, она лежит на безопасной территории. Вот ты какое именно мороженое любишь?

Дима. Пломбир. С изюмом.

Саша. Я тоже пломбир, но без изюма.

Дима. Может, сразу ко второй теме? В этой мне видится какое-то издевательство.

Саша. Почему? Тебе кажется, что будет естественней, если я буду тебя спрашивать про твои моральные убеждения, про понятие порядочности? Или что значит для тебя слово «измена» или «долг»? Неужели ты чего-то такого ждёшь? В таком случае скажу тебе сразу. Мне неинтересно, чем ты ру-

ководствовался. И какие у тебя были причины. Меня волнуют не намерения, а результат. Всегда. Поступок ты уже совершил. Все выводы я уже сделал. А теперь я тебе просто даю шанс. Воспользуйся. Мы будем говорить на более или менее нейтральные темы. Я так решил. Ты любишь пломбир – мне про тебя многое стало понятно. Мы сколько вместе работаем, про всякую фигню говорили, а про мороженое никогда. Впрочем, как хочешь. *(Пауза.)* Так... Что-то разговор не завязывается. Давай ещё по одной. И давай к следующей теме. Предлагаю «первые деньги». Думаю, с этим ты справишься. Начинай.

Дима. Я же тебе рассказывал.

Саша. Нет, я имею в виду не твою Англию, а вообще первые деньги. Не систематическую работу, а пусть даже маленькие, но лично заработанные деньги. В самый первый раз.

Дима. Это не очень интересно.

Саша. Ничего, я потерплю.

Дима. Пожалуйста, мне не жалко. Я мыл полы.

Саша. Серьёзно? А где?

Дима. Как где? Дома, конечно.

Саша *(смеётся, Дима непонимающе смотрит на него)*. Дома? То есть, конечно, дома. Где же ещё? А дома у кого?

Дима. Отец меня так учил жизни. Мне было, наверное, лет девять или десять. Нет, девять, точно, я как раз в третьем классе учился. Я ненавидел прибираться, и отец сказал, что я буду свои карманные деньги получать только в этом случае.

Только если буду мыть пол. Вот и всё.

Саша. Ты что же, брал с родителей деньги за то, что мыл пол в собственном доме? А зачем тебе вообще деньги были нужны? У тебя же всё было? У вас, наверное, и домработница была.

Дима. С чего ты взял? Никогда не было.

Саша. А если не дома? Ну, то есть чтобы тебе платили посторонние люди.

Дима. Это я уже постарше был, лет в тринадцать. Соседка устроила. Я целую неделю на весенних каникулах запечатывал конверты и наклеивал на них марки. Письма из ЖКХ, с сообщением о задолженности за квартплату. Мне кажется, за квартиру вообще никто и никогда не платил, судя по количеству этих извещений. Я эти марки видеть потом не мог. Ещё и во дворе, когда узнали, долго издевались и называли сначала разносчиком, а потом это быстро переросло в разносчика инфекций, а потом вообще, в бациллу.

Саша. Тебя бациллою звали?

Дима. И что? Так, а ты как заработал?

Саша. О! Мои деньги были очень романтические. Я воровал арбузы со станции. Сначала мы их разгружали, а потом и стацили по два каждый. Больше просто было не унести. Ходили по квартирам и продавали. Что смотришь? Мне понравилось тогда: воровали – романтика. И деньги лёгкие. Арбузы были тяжёлые, а деньги лёгкие. А уже потом стоял на конвейере, на мукомольном заводе. Восемь часов подряд,

одно и то же движение. И я понял, что никогда! Что угодно!
Я потом весь в этой муке был, мука была в носу, в ушах, в
горле. Сразу так отчётливо стало ясно, что лёгкие деньги мне
нравятся больше.

Дима. Интересно... давай выпьем. За лёгкие деньги –
твои.

Сцена № 14 _ вторая _ кухня

Официант забирает тарелку, идёт на кухню. Поварёнок по-прежнему учит английские слова, бесконечно повторяя их вслух по кругу: «Солджер, солд-жер, пайн-эпл, пайнэпл, уиздом, уиздом, солджер, солдежер...» и т.д.

Настя. Что там?

Миша. Всё так же. Ничего. Сидят, разговаривают.

Настя. Может, я домой потихоньку свалю, а? Ну что, вы всей толпой без меня не обойдётесь? Их же всего двое. У меня дел невпроворот.

Повар. Сиди. Мне, думаешь, нечем заняться? Сказали сидеть, пока они не уйдут, значит, надо сидеть. Если понадобится, то до утра.

Настя. До утра? Чёрт!

Повар. Не чертыхайся.

Входит владелец ресторана.

Ресторатор. Что это тут происходит? Сейчас же убрали карты.

Настя (*себе под нос*). Так делать нечего.

Ресторатор. Что вы сказали?

Настя. Ничего.

Ресторатор. Что?

Настя. Ничего.

Ресторатор. Раз ничего, то и молчите. Всё здесь привести в порядок. А не нравится, можете прямо сейчас – никого не держу. Есть желающие?

Миша. Нет.

Ресторатор. Нет? Хорошо. Это очень важные гости. Мы друг друга поняли? За сегодняшнюю ночь оплата двойная. Я пошёл, но скоро могу вернуться.

Выходит.

Миша (*забирая тарелку с закуской*). Я пошёл, но скоро могу вернуться.

Сцена № 15 _ ресторан _ дети

Саша. Ответственность вычеркнули. Что-то быстро. Я думал про ответственность... ну ладно, вычеркнули ответственность и вычеркнули. Какой мы с тобой темп взяли... Давай теперь... дети. Тема – дети.

Дима. Дети? Что за странный выбор?

Саша. Так, а вот за детей можно выпить.

Дима. За твоих?

Саша. Нет, вообще за детей.

Дима. Дети – цветы жизни. За детей. Что пьём?

Саша. За детей? За детей надо водку. А потом перейдём на что-нибудь другое, можно на виски.

Выпивают.

Дима. Зачем мне говорить про каких-то детей, если у меня их вообще нет. И не могу сказать, что я по этому поводу особо страдаю. Про детей – это ты у нас спец. Просто образец для подражания. Скажи, не трудно быть образцовым раз в неделю.

Саша. О-о! Азарт пошёл! А ты, я погляжу, расходишься помаленьку. Ещё давай!

Дима. Стараюсь. Скажи, а ведь, наверное, приятно быть эдаким постоянным Дедом Морозом? Дарить радость! Па-

па-праздник! Ты пришёл – и сразу праздник!

Саша. Это ты намекаешь, что я редко вижу детей, и хочешь как бы меня задеть?

Дима. О, я очень тонко намекаю!

Саша. А бесполезно! Так что можешь не стараться. Мне – поверь, мне есть что рассказать про детей, во всех их возрастах. Но я уверен, что для мужчины дети – даже важнее, чем для женщины.

Дима. То, что ты сказал, очень и очень спорно.

Саша. Нет, старик, это бесспорно.

Дима. Нет, это очень и очень спорно. Для тех, у кого есть, – бесспорно, а для тех, у кого нет, – уж тут я извиняюсь.

Саша. Может быть. Но я в этом убеждён. Чтобы осмысленно работать. Для себя работать стыдно. Надо о ком-то заботиться.

Дима. Я о матери забочусь. Мне не стыдно работать. Александр! Только не надо тут передёргивать!

Саша. Мне кажется, это как раз ты передёргиваешь. Мама! Мама – это святое! Ты прекрасно можешь понять разницу между мамой и ребёнком. Не придуривайся. Мама – это правильно. Это конечно. Но дети – они полностью от тебя зависят. Полностью. Это другого порядка зависимость. Для чего зарабатывать деньги? Мужчине не так много надо. Ну, что надо? Одеться? Поесть что-то, машину? Ради всего этого, ради дорогих часов я на амбразуру не пойду. Надо иметь ещё что-то такое, ради чего можно. Ради детей можно. Нуж-

но. Ради детей я могу убить или сам... Наличие детей очень упрощает жизнь. Упрощает тем, что усложняет. То есть всё сразу становится на свои места. Всё становится понятно и просто. Больше не существует вопросов о расстановке приоритетов. Всё расставлено.

Дима. Так что же ты развёлся?

Саша. И это ужасно! Но когда мы развелись? Когда уже дети школу заканчивали. Ничего хорошего, конечно. Нанёс им страшную рану. И не собираюсь себя оправдывать.

Дима. Дети – дело ответственное. Мне ещё рано.

Саша. Если у мужчины до лет тридцати пяти не появился первый, именно первый ребёнок, то потом он – я сколько раз видел – потом либо не находит места этому ребёнку в уже сложившейся жизни, либо, наоборот, страшно залюбливает. У женщин по-другому. А вот у мужчины... Так что, может, уже и поздно.

Дима. Ничего не поздно. Я просто пока не могу себе позволить.

Саша. Что ты несёшь. Твой водитель может себе двоих позволить, а ты не можешь? Можешь не позволить себе такие часы или такую машину. Тут вопрос не в «можешь», а в хочешь или не хочешь. Даже говорить не хочется.

Дима. Извините, пожалуйста! Не я эту тему предложил.

Саша. Мне было интересно узнать твоё отношение.

Дима. У меня нет отношения.

Саша. Ну вот и узнал.

Сцена № 16 _ кухня _ макароны

В кадре Миша и Паша, склонившиеся над кастрюлей.

Миша. Съешь за пятьсот рублей?

Паша смотрит несколько секунд в кастрюлю.

Паша. За тысячу.

Миша. За полторы, если ты при этом ещё выпьешь литр воды.

Паша. А кетчуп можно?

Миша. Минус двести.

Паша. Согласен.

Повар режет яблоко.

Повар. Мы в армии шинель один раз съели. На спор.

Настя. В смысле – «шинель»? Это такая фигура речи? «Шинель»?

Повар. Какая ещё фигура! Настоящая шинель. Два взвода. Один говорит: «А спорим, что мы съедим шинель за месяц?» Мы им: «А мы съедим за полтора». Они – раз, за месяц. И тут мы говорим, что съедим за десять дней! Мы-то думали, они сейчас скажут, дескать, а мы за неделю. А они

– раз, и кушайте, дорогие!

Настя. И что? Съели?

Повар. А как же! Был специальный наблюдающий, который следил, чтоб всё честно было. Сукно, подклад-то ничего. Мелко порезали и в кашу, а вот пуговицы... Взвод потом, знаешь, как назвали, – «моль»!

Паша смеётся.

Повар. А ты не отвлекайся! Ешь, ночь длинная! У нас то десять дней было, и нас много, а ты тут один. Я тоже поучаствую! Ставлю еще пятьсот. Но ввожу временное ограничение. Ты должен съесть, пока они там пьют.

Паша. А если они прямо сейчас прекратят пить? И что тогда?

Миша. Тебе же русским языком сказали – будут пить до утра. Кетчуп какой? Жалко, камеры нет, такое снимать надо!

Ставит на стол две бутылки с кетчупом, повар одновременно ставит тарелку с яблоком.

Повар. Под виски.

Сцена № 17 _ ресторан _ друзья _ и _ одиночество

Дима. Что там у тебя дальше?

Саша. Друзья.

Дима. Хорошая тема.

Чокаются, выпивают виски.

Саша. У тебя много друзей?

Дима. Много. Я знаю, что ты сейчас начнёшь продвигать, что друзей много не бывает и прочую моралистическую ерунду. Но, как видишь, бывает. У меня много друзей. Я легко схожусь с людьми. И ничего плохого в этом не вижу. А у тебя, конечно же, один-единственный преданный друг, угадал?

Саша. Почти. У меня двое близких друзей. Что, я настолько предсказуем?

Дима. Так ведь я тоже. Не переживай. Мы с тобой, видишь ли, хочешь ты этого или нет, сильно похожи. Я вот тебя, например, другом считаю. А ты меня нет.

Саша. Я бы на твоём месте про нашу дружбу помолчал. Скажи-ка, Дима, а ты по каким таким критериям людей записываешь в друзья?

Дима. У меня нет таких списков.

Саша. Хорошо. Объясни, кого ты можешь назвать другом? Кто бывший одноклассник, кто коллега, а кто друг?

Дима. Ты как, хочешь серьёзный ответ? Я особенно на эту тему не думал. Вот я с тобой семь лет работаю, конечно, ты мне друг.

Саша. Ты мне не друг. Друзья – это те, кого я не опасуюсь.

Дима. Как это, не друг? Друг, конечно.

Саша. Почему ты так решил?

Дима. Ну, во-первых, мы всё время вместе. Во-вторых, нам друг с другом интересно. Ты мне интересен, мне кажется, что я тебе тоже. Мы занимаемся одним делом. Ты мне нужен. А я тебе помогаю. И я многому у тебя учусь.

Саша. Нет-нет. Это всё не то. С водителем я провожу гораздо больше времени, чем с тобой. И уж точно есть люди, с которыми мне интереснее. И ты мне не помогаешь. Ты помогаешь моей работе, а не мне. Ты мне лично ни разу не помог. А работник ты полезный. И вместе мы всегда только по работе.

Дима. Всё правильно. В чём противоречие? Помогаю работе – значит, тебе. Моя жизнь – это и есть работа. Я всё время работаю. А кто тогда друзья? Одноклассники? Да, я их сто лет не видел никого! Какие друзья! Меня ужас как раздражают все эти перемалывания воспоминаний. Нет, ты мне вообще самый главный друг.

Саша. Эх, бедный-бедный Дима. Если ты считаешь, что я тебе друг, значит, у тебя нет друзей.

Пауза.

Дима. А это нормально.

Саша. Что нормально?

Дима. Ты же не будешь спорить, что любовь бывает не взаимной? Можно кого-то любить, а тебя любить не будут, так? Я думаю, дружба тоже может быть не взаимной. Пусть я тебе не друг. Пусть. Но это не отменяет того, что я тебя считаю своим другом. В жизни всё может быть не взаимным. Понимаешь, о чём я?

Саша. Понимаю. Это ты сейчас сильно... Я даже во многом с тобой согласен.

Дима. Но...

Саша. Что «но»? А! Но мне всё-таки маловато работать с человеком, чтобы этот человек стал автоматически моим другом.

Дима. А кто тогда друзья?

Саша. Это такие люди, которые мне нужны больше, чем я им. И уж точно между нами должна существовать не работа, а необходимость общения. Общения любой ценой, только эту цену никто не потребует.

Дима. Только если я тебе не друг, то у тебя их тоже нет.

Саша. Это неправда. Мне вот этот смешной, нелепый Георгий, он друг. И меня вовсе не раздражают мои бывшие сокурсники. Есть старые друзья, их остались единицы. Но есть

ощущение, что они нужны. Тут ведь можно год не видеться, потом встретиться, и этого достаточно. Иногда кажется, что вообще ничего общего быть не может, что говорить не о чем. Но встречаемся, и говорим и говорим. Дружба – вещь таинственная, как и любовь. Ни о какой корысти здесь речь идти не может. Просто у двух людей существует необходимость друг в друге. И это всё. Я не хотел бы объяснять это рационально. Но точно не работа. Исчезнет общее дело – исчезнет необходимость видеться каждый день. И всё. Даже перезваниваться повода не будет.

Дима. Хочешь сказать, что никогда не работал вместе с друзьями?

Саша. Ну почему? У меня есть друг, который изначально возник по твоей схеме. То есть мы вместе работали. Вместе начинали.

Дима. Это ты про Стрельцова, что ли?

Саша. Да, про него. Многие начинают вдвоём, а потом расходятся. А мы как-то грамотно разошлись в делах. Сохранили дружбу.

Дима. Как вы вообще познакомились?

Саша. Как-то очень обыденно. На какой-то мелкой совместной работе. Дремучий был, ударения не так ставил, говорил коряво. Просил меня девушкам открытки писать. Я ему всё замечания делал. Исправляли эти «звонит», «тубуретка». Исправляли до тех пор, пока ему из-за меня зубы не повыбивали. У меня была цепочка золотая, я ему тогда от-

дал, чтобы он зубы вставил.

Дима. Да ладно? У Стрельцова? Не может быть. Хочешь сказать, он так и ходит с золотыми зубами?

Саша. А кстати нет. Точно, у него же давно керамика. Ни фига себе... это куда же он мою цепочку? А? Нет, ты смотри. Вот ведь! Надо спросить. Вот видишь – дружба! Спасибо Дима, что напомнил.

Дима смеётся.

Саша. Что смеёшься?

Дима. Да я представил, как если б он тебе свои золотые зубы вернул. А у тебя фотографии есть? Стрельцова с золотыми зубами?

Саша. Наверное, есть где-нибудь.

Дима. Супер, покажешь потом, ладно?

Саша. Конечно, вот пришлешь мне свой новый адрес, я тебе сразу отправлю, по почте.

От этой фразы оба сразу замолкают на какое-то время. Саша разливает очередную порцию, но пока не пьют.

Дима. Верно... верно...

Саша. А ты как думал?

Дима встаёт и отходит от стола к витрине, в которой

вращаются пирожные.

Дима. А мне всё кажется в плохих ситуациях, что это сон.

Саша. Я тебе уже снился?

Дима. Нет, в первый раз.

Саша. Ну и как? Страшный сон?

Дима. Проснусь – расскажу. Пока не пойму.

Дима берёт в руки табличку с надписью «reserved».

Дима. Очень странный и всё-таки достаточно реальный, я бы сказал, цветной. Давай выпьем?

Саша. Молодец, давай. Мы тут для этого и собрались.

Дима возвращается, ставит табличку на стол, берёт рюмку.

Саша. Не люблю текилу.

Дима. И я не люблю.

Саша. Рекомендую взять лимон.

Выпивают.

Саша (*закашлявшись*) . Какая гадость. Кто же от неё получает удовольствие?

Дима. Мексиканцы. Что там у тебя дальше? Дай я выберу

(Протягивает руку, берёт список.) Надо же, список написал, готовился. Хоть от руки, и то спасибо. Вот! Очень логично после темы «дружба» давай на тему «одиночество».

Саша. Одиночество. Хорошо выбрал.

Дима отходит к аквариуму, садится на стул.

Дима. Я почти уверен, что ты эту тему поставил в расчёте на то, что я скажу, что мне, дескать, одиночество неведомо. И ты сразу на моём фоне сделаешь такую мудрую гримасу.

Саша. И как? Мои ожидания оправдаются?

Дима. Боюсь тебя разочаровывать, но нет. Я хорошо знаю, что такое одиночество. Я вообще куда больше нормальный человек, чем ты хочешь меня изобразить.

Саша наливает два стакана виски и подходит к Диме, садится рядом, отдав ему один стакан.

Саша. Перестань всё перекладывать на себя. Что за мания величия? Я ничего не пытаюсь изобразить.

Дима. Мания величия? У меня? *(Обводит всё вокруг.)* А ты, видимо, социологический опрос проводишь. Из любопытства. Что тебя ещё интересует? Спрашивай.

Саша. А что ты вообще понимаешь под одиночеством?

Дима. Ну, точно не физическое состояние, если ты на это намекаешь. Неужели есть необходимость объяснять, что та-

кое одиночество? То же, что и для тебя. Когда плохо. Иногда очень плохо.

Саша. Я так и думал.

Дима. Что на этот раз я не так сказал? Чем тебя мой ответ не удовлетворил? Только не говори, что ты получаешь страшное удовольствие от одиночества.

Саша. Не страшное, но получаю. Иногда. Иногда это большое удовольствие.

Дима. Нет, прости, совсем не могу согласиться. Одиночество – это всегда плохо. Что же хорошего быть одиноким? Ты просто путаешь два понятия. Побывать одному, одному – это да. Быть одному – согласен. Знаешь, я часто в Лондоне один гонял по улицам, ночью. Закрываю глаза и сразу представляю себе... Улицы, мягкий свет, весь Лондон освещён... редкие машины, свет от фар справа... в Лондоне я любил это ночное одиночество. Вообще, мне Лондон... Лондон – это просто любимый город.

Саша. А знаешь, какой у меня любимый город? Гмюнд. Три тысячи жителей. Три. И два духовых оркестра, каждый житель умеет играть на каком-либо духовом инструменте, чистота. Все эти улочки, дома, садики – как иллюстрации к сказкам. Жить там нереально. Но неделю там провести, поскучать. После этого всё по-другому. А ты говоришь, Лондон. Там дома красивые. А люди очень некрасивые. И невкусно ужасно. Не могу я. Не, Лондон, конечно, – город главный. Всё в порядке. И всё равно. Что в Лондоне, что в

Гмюнде – это, когда ты один.

Дима. Это где один? В Лондоне? Одиннадцать миллионов человек.

Саша. Каких человек, Дима. Англичан! Ты что, англичанин? Это не одиночество. Одиночество – это когда вокруг слишком много людей, людей, а не англичан, когда всем что-то нужно *от тебя*, а ты сам не нужен никому. И тебе никто не нужен.

Дима. Это как так?

Саша. Ну вот так. Когда ты сам никого не любишь.

Дима. Так не бывает. Я всегда кого-то люблю.

Саша. В нашей ситуации это звучит двусмысленно.

Дима. Да перестань ты меня всё время тыкать в эту историю! Сам только что мне тут говорил про детей! И теперь никого не любишь.

Саша. Что дети! Дети. Дети – это я сам и есть. Ещё б они меня не любили. Дети! Я их привык любить, я их даже во сне люблю. Вот будут у тебя самого дети, тогда поговорим. Но в одиночестве точно может быть и удовольствие.

Дима. И в чём?

Саша. В одиночестве можно успокоиться. Знаешь, бывает усталость такая, что перестаёшь существовать. Когда никого не любишь, тебя никто не любит. И, представь, это надо хорошо представить, как ты сидишь на заднем сиденье своей машины, тебя везут мимо, мимо всей этой жизни, мимо всего. Едешь по знакомым улицам, к которым ты привык.

Ты просишь сделать музыку погромче, можно открыть окно, чтобы чувствовать ветер. И в этот момент можно даже лечь. Свернуться и замереть. И можно вдруг ощутить ту тонкую грань, на которой ты ещё думаешь, но уже не задумываешься. И от этого может случиться такое спокойствие. И даже то, что ты никого не любишь, – в этот момент это тоже спокойствие.

Дима. Это всё, конечно, очень красиво. Но неужели бывает так, что ты никого не любишь?

Пауза.

Саша. Да. В данный момент я никого не люблю.

Сцена № 18 _ Дима. остаётся _ один

Саша. Ты куда?

Дима. В туалет. Можно?

Саша. Можно.

Саша звонит в колокольчик. Подходит секундант.

Дима. Не, ну ты же не... да брось ты это, я сам.

Саша. Мы же договорились... мало ли как ты там...

Дима. Господи...

Дима с шумом отодвигает стул, уходит.

Дима заходит в туалет, встаёт у писсуара. Заходит секундант, Дима смотрит на секунданта.

Дима. Можно я? Я нормально... нормально!

Дима коротко моет лицо. И долго смотрит на себя в зеркало. Лицо очень серьёзное, в глазах – понимание ситуации.

Сцена № 19 _ кухня _ фокус

Кухня. Паша возвращается из зала и сразу начинает есть макароны.

Паша. Там суп попросили.

Миша. Подожди.

Миша показывает повару карточный фокус. Вытаскивает карту из самой середины колоды, показывает повару.

Миша. Она?

Повар. Не понимаю. Давай ещё раз. Я опять не понял.

Миша. Это фокус. Его не надо понимать. Надо получать удовольствие.

Повар. Какое тут удовольствие. Ты что, садист? Вы тут все садисты. Я не понимаю, а они радуются!

Настя. Они уже столько выпили, как не померли оба.

Миша. А может, они и вправду уже того-с? Давно не зовут что-то.

Девушка. Может, сходить посмотреть?

Паша (*не отрываясь от кастрюли с макаронами*). Я занят.

Повар. Иди сюда. Покажи ему. Фокус. Садись, давай, показывай.

Миша тасует колоду, раскладывает веером.

Миша. Загадай карту.

Паша. Это детсадовский фокус. Я его знаю.

Повар. Как знаешь! Они вон тоже знают! Что ж это такое!

Я один, что ли, не понимаю? Давай ещё раз.

Паша. Ты не слышал? Я говорю, там попросили суп.

Повар. А что именно?

Паша. Солянку.

Повар. Прекрасно! Достаньте кто-нибудь и разогрейте. Там что-то оставалось. А ты не отвлекайся, раскладывай карты-то.

Настя достаёт кастрюлю. Открывает крышку, нюхает.

Настя. Я в нём не уверена. А без почек солянку разве можно?

Миша. Так у них почки пока есть. Хотя будут так пить – не знаю... *(Повару.)* Эта карта?

Повар. Как? Как ты это делаешь? Я сейчас с ума сойду! *(Переводит взгляд на Настю.)* Что сидим, кого ждём? Быстро чистить-резать. Почему вода ещё не стоит? *(Мише.)* Ты давай показывай.

Сцена № 20 _ ресторан _ эксперимент

Дима (*доедая суп*). Дело не во мне, а в ней. Я знаю, где можно проявлять инициативу, а где нет. Так что, если б не она, то я бы и не полез. Но мне это всё равно видится по-другому, не так, как тебе. Мне кажется, тебе надо проще относиться ко всему. Она тебя если и не любит, то как-то выделяет. По-своему. Может, правильное слово тут «ценит».

Саша. Говори прямо – использует. Ты же это слово хотел употребить? Она от меня зависит. И это всё.

Дима. А это немало. Я и ты для неё понятия разного порядка. Поэтому ты зря так завёлся. Я для неё вообще ничто. Уверяю тебя, в её мозгу не бродит ни одной мысли обо мне. Я был для того, чтобы потешить её самолюбие, которое с тобой она потешить не может.

Официант забирает грязные тарелки, меняет пепельницу.

Саша. И как ты это мне докажешь?

Дима. Нужен какой-то простой эксперимент. Например, можно, я не знаю... можно (*Саша перебивает*).

Саша. Я предлагаю отправить ей цветы. Без подписи.

Дима. Хочешь посмотреть, кому она позвонит? Давай, на это я согласен. Я точно знаю, что это буду не я.

Саша. Как знать.

Саша жестом подзывает одного из секундантов, пишет на листочке адрес. Пока он говорит с официантом, Дима отходит к аквариуму.

Саша. Заедете в цветочный магазин, купите одиннадцать белых роз и отвезете по этому адресу. Прямо сейчас. Если спросят, от кого, скажете, что не знаете. Нет, подождите. Не розы. Она сразу поймёт. Не розы. Надо что-то другое. Скажи ты, Дима. *(Видит перед собой пустое место.)* Дима, Дима, ты где?

Дима. Я здесь.

Саша. Ты как?

Дима. Нормально.

Саша. Скажи, какие бы ты послал цветы.

Дима. Откуда я знаю? Я никогда никакие цветы не покупаю. Я – вообще не про цветы.

Саша. Вот поэтому ты и скажи.

Дима. Не знаю, давай такие толстые, белые. Название такое, типа панды-панды!

Саша. Какие панды?

Дима. Ну, панды, такие цветы, панды!

Саша. А, каллы?

Дима. Да, коалы. Панды, коалы – какая разница, помню, что про медведей. Я же говорю, не разбираюсь.

Саша. Выбор совершенно дикий. Так что эксперимент будет чистый. Вряд ли она подумает, что это я.

Дима. Почему дикий? Мне они нравятся. Такие сочные. Всегда хотелось откусить.

Саша. Хорошо. Каллы. Пять штук. (*Вдогонку уходящему секунданту.*) Нет, семь!

Дима. Ждём или продолжаем?

Саша. Что у нас дальше?

Дима. У тебя тут написано: «музыка».

Саша. О! Видишь, как хорошо, когда всё заранее распла-нировано! Давайте! Может, пойдём пока на балкон, поку-рим? А, ты ж не куришь. Ну просто со мной постоишь. Кста-ти, надо не забыть включить телефоны для эксперимента.

Дима достаёт подаренный Гио диск, перегибается через барную стойку, ставит. Начинает играть Верди.

Сцена № 21 _ балкон

Оба стоят на балконе, слушают.

Дима. Я правду сказал, что мне понравилось. Красивая музыка.

Саша. Видишь, как хорошо бывает иногда просто поговорить. Оказывается, ты знаешь музыку. Любишь Верди. Молодец.

Дима. А я в музыкальную школу ходил.

Саша. На чём играл? Дай угадаю. Пианино или скрипка. *(Дима отрицательно качает головой.)* Неужели флейта? Кларнет? Арфа? *(Дима жестом изображает баян.)* Да ладно? На баяне? Ты на баяне? Вот не могу себе представить. Это как с балалайкой. Ты, Лондон и баян.

Дима. Это был аккордеон.

Саша. Да какая разница! Гармошка и есть гармошка! Ну и как тебе это в жизни помогло?

Дима. Укрепило характер. И пальцы, конечно.

Саша. Вот повеселил – ты с баяном. Дим, а ты сейчас-то как? Ручки помнят? А то что это мы какую-то оперу слушаем? Мы сейчас быстренько кого-нибудь за баяном-то организуем, а? Давай? Барыню сможешь? Ох смешно, порадовал прямо.

Дима. Смешно будет, если она никому не позвонит. А

нет! Смешно будет, если она вообще кому-нибудь третьему позвонит. *(Смотрит вниз, облокотившись на балконное ограждение, видит внизу водителя, который вышел из машины и курит .)* Вон ему, например.

Саша. Замолчи сейчас же.

Дима. А что? Запросто.

Саша бледнеет.

Саша. Я тебя очень прошу. Ты не представляешь, чем это может закончиться.

Дима. Почему это я должен молчать? Что произойдёт? Что ещё может произойти? Ударить? Так ведь это не по твоим правилам. А то давай *(подставляет щеку)*. Давай бей! Не стесняйся! Пусть это будет самый легко заработанный миллион в моей жизни! Это же водитель, классика жанра. Сколько они времени наедине проводили? У тебя, что, не стоит камера в машине? Как непредусмотрительно! А ты его эсэм-эски не читал? Что ж ты так, Сань!

Саша медленно тушит сигарету.

Дима. Ты что, до сих пор не понял, что это за женщина? Где? Где эти фотографии? *(Уходит внутрь зала, хватая фотографии со стола, чуть ли не тыкает ими в лицо Саше.)* Видишь? Это она! Ты что, ослеп? Это не только я. Это

ещё и она! Посмотри внимательно! Вот она! Где ты тут разглядел крылья? Может, у неё нимб, а я не заметил? Ой, нет нимба! Смотри-ка, и крыльев нет! Даже какого-нибудь русалочьего хвоста нет! Того ангела, той феи, того чудесного создания, которого ты видишь, нет! Пойми ты это! Её не существует, ты её придумал! Она последняя сволочь! Просто хитрая тварь!

Саша (*указывая на пишущую камеру*). Знаешь, я думаю, что теперь я это кое-кому покажу. Пусть посмотрит, послушает.

Дима. Да пожалуйста!!! Мне вообще наплевать! Мне всё равно! Слышишь! Всё равно!!! Где эта чёртова камера?!

Дима резко хватая камеру, разворачивает на себя объектив.

Дима(*на камеру*). Смотри! Смотри!!! Всё из-за тебя! Как тебе? Всё из-за тебя, моя милая, всё из-за тебя! Так что полюбуйся! (*Опять разворачивается на Сашу.*) И как ты можешь! Ты, такой весь из себя умный, отказываешься признать то, что видят все.

Саша. Мне всё равно. И чем больше ты всё это говоришь, тем меньше мне хочется объяснять. Ты пойми, я всё знаю. Знаю! Что хитрая, недобрая, использует. Но мне с ней хорошо. Именно с ней. Имею я право, чтобы мне было хорошо?

Дима. Недобрая – это вообще ничего не сказать! Она ни-

чтожество! И так со всеми твоими бывшими!

Саша. Что ты сказал? Повтори. Что значит, со всеми?

Дима. А ты как хотел? Не надо тут разыгрывать святую простоту! А то ты не знал! Со всеми, со всеми! Каждая! Поверь мне!

Саша меняется в лице, губы становятся как будто тоньше.

Дима. Давай-давай. Я же просил побыстрее! Что бы тебе ещё рассказать? Может, тебе нужны какие-то подробности? Я многое могу изобразить. В лицах. Тебе понравится. Ты же этого хочешь?

Саша. Каждый раз это был ты...

Саша сжимает бокал на уровне Диминого лица. Бокал разлетается. Дима сразу приходит в себя.

Дима. Саш, ты что? Ты дурак? Ты думаешь... я? Ты что вообще? Я говорю, что каждая тебя использовала, а ты что? Что ты подумал? Ты вообще. Ну ты дурак. Дай я выпью... ну дурак...

Саша садится на пол, оперевшись спиной о балконное ограждение. Дима уходит, возвращается с бокалами и бутылкой коньяка.

Саша. Господи, как же я её любил. Как я её любил. Что бы я ни отдал, чтобы она была со мной.

Дима. Она и так с тобой, просто она...

Саша. Шестнадцать лет... представляешь, шестнадцать лет. Как я хочу все изменить. Невозможно. Уже всё невозможно. Кинь мне сигареты. *(Ловит пачку, всё так же сидя на полу.)* Спасибо. *(Закуривает, пауза.)* Всё прошло. Наверное, и слава богу, что прошло... Но иногда я так скучаю. Спрашивается, по чему скучаю? По молодости-юности, по нашей совместной жизни? Точно нет. Ничего хорошего там не было. Как быстро... как быстро...

Дима. Что быстро?

Саша. Прошла молодость. Очень быстро...

Дима. Она была красивая?

Саша. Да. Да, очень. Не такая, как... но очень красивая.

Дима. Ты думаешь, вы были бы счастливы?

Саша. Не знаю. Мне кажется, что... Не знаю... не знаю. Мы точно были счастливы, хотя и очень недолго. Я помню, помню, как было желание, прямо необходимость, чтобы у нас с ней была семья. Я был несколько раз влюблён, но никогда такой необходимости не испытывал. Только с ней. Таковую-сякую, но семью. *(Пауза, курит.)* И это было не так, что вот будет семья, но я потеряю свободу. Было совсем по-другому. Не жертва, а потребность, необходимость лишиться части свободы. У меня была потребность дома. Как бы я

ни старался... эта потребность есть и сейчас. Я потерял семью. *(Пауза.)* Сейчас – это уже не семья. Я это остро понимаю. Семья была там, и её больше нет. Я сам потерял её. Я понимаю, что теперь её не будет никогда. Как я скучаю... по дому... бывает так тошно. Знаешь, мне иногда жить не хочется.

Дима. Саш, ты что? Ты чего, Саш?

Звонит телефон. Дима, не глядя на телефон, протягивает его Саше.

Дима. Это она? Она, да?

Саша. Да.

Саша нажимает отбой.

Дима. Почему вы расстались?

Саша. Всё просто. Я ей изменил.

Дима. Как изменил? Ты же любил её?

Саша. Изменил. Влюбился. Разумеется, много врал. Это дальше выносить было нельзя. Прежде всего она не могла больше находиться рядом со мной. Я сам её извёл. И себя, конечно. Но её больше. Вот я и создал прецедент.

Дима. Но зачем?

Саша. Ты не поймёшь. Я-то понять не могу. Вообще, для меня все эти воспоминания – это сплошное нагромождение

чего-то стыдного и болезненного.

Дима. И ты не придумал ничего лучше, как отомстить мне за то, что когда-то сам изменил? Сколько ты в себе это чувство вины копил, друг мой?

Пауза.

Саша. Ты меня разочаровываешь. Так же нельзя... Нельзя так буквально. Нельзя так в лоб связывать совсем разные вещи. Так нельзя... Всё не напрямую.

Дима. Да брось ты! Не напрямую. В жизни, понятно, всё не просто. Но не в этом случае. Здесь всё белыми нитками шито. Тебя терзает комплекс вины. Ты не скучаешь, ты страдаешь от мучающей тебя совести. И вот ты выбираешь себе потенциальных изменщиц, чтобы они тебе изменяли, а ты страдал. И был не виноват! Скажи, мне просто интересно, а ты каждый раз разыгрываешь такой спектакль? Это, я погляжу, отработанная постановка?

Саша. Всё? Ты всё сказал? Ты ничего не понимаешь.

Дима. Куда мне.

Саша. Почему ты не был женат?

Дима. Зачем? Всё равно всё заканчивается, как у тебя. У меня нет мазохистских склонностей. Не вижу суровой необходимости тратить на это время. По моим личным наблюдениям, любое чувство может длиться семь месяцев максимум.

Саша. Видимо, такое чувство, Дима.

Дима. Уж какое есть. Разумеется, на стенку лезть, как ты, лучше. Я живу по принципу: чтобы сильно не разочаровываться, не надо сильно очаровываться.

Саша. Убогий принцип. К тому же я это уже где-то слышал.

Дима. А я и не претендую на оригинальность.

Саша. Ты вообще хоть раз испытывал к женщине такое чувство, что если она откажет, то можно задохнуться.

Дима. Со мной такого не было. В кино смотрю, в книжках пишут. Хорошо написано, но не про меня. Не понимаю. Раз со мной не было, то и не понимаю. Я тебе честно скажу, я в такое для себя вообще не верю. Хотя допускаю. Гляжу на тебя и допускаю. Я этого не хочу, я этого даже боюсь. Так что завидовать тебе никак не могу.

Саша. О чём с тобой говорить?!

Дима. А чем ты лучше?

Саша (*разливая алкоголь*). Да ничем. Или всем.

Выпивают.

Дима. Ты – ходячий комплекс! Теперь я тебя понял! Мне всё равно ничего не светит, я это теперь понимаю, так что я тебе скажу, что думаю. Я точно понял, что это никакой не сон, – терять, как говорится, нечего. Так вот, ты сорокапятилетний закомплексованный, весь запутавшийся мужик,

которому нравится находиться в этом состоянии. Запутался между своей совестью и своими достижениями! Ты разберись! Разберись, чем ты гордишься, а от чего тебе стыдно! Решил доказать себе – не мне! – своё благородство? Покрасоваться решил?

Саша. Не надо. И не считай, ради бога, себя самым умным и проницательным. Что это ты тут из меня делаешь неврастеника? Ловко ставить диагнозы и я умею. Запутавшийся! Да даже если и так! Ты прав! Даже такой! Это лучше, чем быть таким, как ты! Не испытывал, не чувствовал, не знаю! У этой твоей крайности тоже должны быть причины. Только, знаешь, нет никакого желания в твоих причинах ковыряться.

Дима. Отчего ж! Поковыряйся! Wellcome!

Саша. Я устал. Не хочу.

Дима. Просто ты боишься, что я окажусь гораздо симпатичнее тебя. Что я тебя не лучше, не умнее, а симпатичней! Я весёлый, лёгкий! А с тобой что-то очень тяжело. Мои взаимоотношения с женщинами не дадут нужного градуса. Кстати, хочу заметить, у меня всегда именно взаимоотношения с женщинами. Я веду себя адекватно тому, чего от меня ждут. Я симпатичный такой парень! Никого не ломаю. А ты всех через колено.

Саша. Я женщин никогда не ломаю.

Дима. А то, что ты их золотом обмотал и бриллиантами обвешал, – ты этим не ломаешь? Может, она была бы, не знаю, врачом, парикмахером, да всё равно, была бы обще-

ственно полезным человеком! А попался ты или такой, как ты. И всё. В чистоте бриллиантов и в каратах она уже разбирается... А я к людям стараюсь бережно относиться.

Саша. Только по мне незаметно прошёлся. Бережно. А так ничего. Молодец, очень симпатичный.

Дима. Да как ты не поймёшь! Не хотел я по тебе проходиться. Вообще не хотел! Я к этому не так отношусь. Я же тебя другом считаю. Вот, я каждый день приходил и пожимал тебе руку. Если б я украл, предал тебя, я не знаю, как бы я тебе руку подавал. Наверное, не смог бы. Тебе надо к этому иначе отнестись. Ты же не знал – и что, тебе плохо жилось, пока ты не знал? Нет ведь. Тебе было всё равно. И всем было нормально. А ты – «прошёлся»! Если б ты сам не узнал бы, ну и не узнал бы. Вот поверь, я даже не считаю себя виноватым перед тобой. Я же работаю, я преданнейший человек. Ты такого работника теряешь. Если б я что-нибудь украл! Или подсунул, или воспользовался, и ты узнал, что у меня там где-то там... вот это. Вот это я понимаю, вот это предательство. А тут-то что? Какое предательство, я вообще не понимаю, о чём ты говоришь.

Саша. Это тебя в Англии научили? Этике отношений?

Дима. Да что ты цепляешься ко мне с этой Англией? Ты сам с другими не особенно считаешься.

Саша. Всегда считаюсь.

Дима смотрит на пластырь на руке Саши. Саша ловит

его взгляд.

Дима. Нет. Ты именно ломаешь. Так привык. Ваше поколение по-другому не умеет.

Саша. Думаешь, мне это удовольствие доставило? Ошибаешься. Я всегда потом переживаю. Но это часть работы. И так к этому и надо относиться. Хотя мне абсолютно всегда это даётся тяжело. Но это правило. Думаешь, мне нравится жить по таким правилам?

Дима. Похоже, что да.

Саша. Нет. Но я их знаю. Как ты сказал, наше поколение знает правила, а ваше – законы. А если ты имел в виду себя, то ты не заслуживаешь, чтобы с тобой считались. Не в этой ситуации.

Дима. А кто это определяет?

Саша. Я. Как ты верно заметил, в жизни желательно вести себя адекватно внешним событиям. Я отвечаю симметрично тому, как ты поступил со мной. Только ты мне выбора не оставил, а я тебе даю.

Дима. Брось ты. Я ни за что не поверю, что эта... что она для тебя что-то значит.

Саша. Значит. И сейчас всё ещё значит.

Дима. Не понимаю. Ты же не думаешь, что, если она тебе официальная жена, она тебя любит?

Саша. В данный момент мне достаточно того, что я её люблю.

Дима. Я замёрз, пойдём внутрь. Эксперимент окончен.

Саша. Нет, Дим. Эксперимент ещё далеко не закончен.

Дима. Сашенька, это твой не закончен, а мой всё. Ты думаешь, ты тут один эксперименты ставишь? Мне всё понятно.

Дима спотыкается и падает.

Дима. Это я ещё не вырубился. Я просто упал.

Саша подаёт ему руку, поднимает.

Сцена № 22 _ кухня _ не лезет

Настя спит. Повар пытается понять фокус, раскладывая перед собой карты, но тоже чуть не засыпает. Паша ставит кастрюлю перед Мишей.

Паша (*глядя в кастрюлю*). Не могу больше. Не лезет.

Миша (*почти спит, приоткрывает глаза*). Надо заставлять себя. Немного осталось. Если не доешь, то получится, что всё это зря ел. Для удовольствия.

Паша. А можно мне сто граммов водки?

Миша. Это ещё минус триста. После майонеза у тебя осталось пятьсот. Смотри, дело твоё. Ещё должен будешь.

Сцена № 23-1 _ ром _ и _ шампанское

Саша. А давай выпьем рому!

Дима. Как пираты!

Саша звонит в колокольчик, входит официант.

Саша. А принеси нам ром! Есть у нас ром?

Дима. Да!

Саша смотрит на колокольчик.

Саша. Забери... раздражает.

Официант забирает колокольчик.

Сцена № 23-2 _ ром _ и _ шампанское

Паша входит на кухню, держа в руке колокольчик, но видит, что все спят. Аккуратно ставит колокольчик на край стола.

Сцена № 23-3 _ ром _ и _ шампанское

Саша. Так-так, а что это ты себе... ты что, себе меньше наливаешь? Как тебя, говоришь, звали? Бацилла?

Дима. А тебя как?

Саша. Меня? Меня... Рыба.

Дима. Это ещё почему? Ты же не похож.

Саша. Во-первых, из-за взгляда...

Дима. Ну-ка посмотри... понятно... а во-вторых?

Саша (*в руках ром*) . А во-вторых... потому что картавлю. Да... детство... Давай выпьем шампанского?

Дима смотрит на ром.

Дима. Так рому или шампанского?

Саша. Не путай меня... Рому. А потом шампанского.

Дима. Я не хочу шампанское. Я не люблю...

Саша. Дима, а мы и не на пикнике тут... Пьём шампанское. Только сначала ром.

Сцена № 23-4 _ ром _ и _ шампанское

Паша входит на кухню, в руках у него бутылка с шампанским. Миша подаёт ему ведро со льдом.

Миша. Они что, Шампанское будут пить? с ума сошли...

Сцена № 24 _ ресторан _ всё _ не так уж важно

Саша и Дима сидят за столом. Саша открывает шампанское.

Саша. С НОВЫМ ГОДОМ.

Дима. С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ.

Выпивают шампанское. Каждый думает о своём. Саша машинально барабанит по столу пальцами.

Дима. Перестань стучать, а? Раздражает.

Саша убирает руку со стола. Тишина.

Саша. А знаешь, такую песню – тонешь, тонешь, не потонешь, ты сломаешься однажды...

Дима. Знаю.

Саша. Я услышал по радио, а потом весь день было очень плохо, какие-то проблемы, и в голове как по кругу: «тонешь, тонешь, не потонешь». Я другие слова не помню, только эту строчку. И потом главное: «всё не так уж важно».

Дима. Саш, а что ты сейчас-то не можешь сказать, что «всё не так уж важно»? Ну скажи себе...

Саша. Сейчас, старик, никак не могу.

Дима. Странная песня.

Саша. Да, странная. Про меня.

Дима. А я помню, когда в Англию собирался, мне очень нравилась эта песня: «До свидания, мой любимый город!»
Это про меня!

Саша. Главное, по-прежнему актуально.

Дима. Вот взял и всё испортил. Как всегда.

Сцена № 25 _ ресторан _ не лезет

Дима и Саша выпивают очередную порцию, которая уже «не лезет». Не разговаривают. Оба выглядят на физиологическом уровне неприятно.

Дима. А ты знаешь, она с тобой несчастна.

Саша. Это она тебе сама сказала?

Дима. Нет, я сам видел. Ей плохо. Ей так одиноко. И она такая красивая. И мне с ней было хорошо. Думаешь, я не боялся, что ты узнаешь? Боялся. И думал. И боялся. Но мне с ней было хорошо. Жалко, конечно, что всё так получилось. Этого я хотел меньше всего. Знал бы, что ты так расстроишься... не стал бы.

Саша встаёт и направляется в туалет.

Сцена № 26 _ Дима уснул

Саша в анабиозном состоянии сидит на унитазах. Качаясь, встаёт, но снова падает на унитаз. Засовывает под кран с холодной водой голову, долго трёт лицо, шею, вытирается бумажными полотенцами. Смотрит на себя в зеркало. На одну секунду взгляд фокусируется, но тут же опять теряет отражение.

Саша выходит в зал ресторана – Дима спит.

Некоторое время Саша смотрит на Диму, потом подходит и начинает его будить.

Саша. Э-э. Давай, Дима.

Дима спит. Саша садится напротив спящего Димы. Наливает себе полную рюмку, выходит на балкон.

Сцена № 27 _ балкон _ рассвет

Закуривает, медленно выпивает эту последнюю рюмку. Отрывает фильтр от сигареты. Курит. Смотрит на пробивающееся утро и вдруг надламывается и начинает плакать. Плачет сильно, пока не выходит вся ночь, не приходит облегчение.

Сцена № 28 _ ресторан _ конец

Саша за столом, напротив спящего Димы, надевает пиджак, из кармана выпадает медаль, которую он подобрал накануне.

Саша открывает достаточно большой бархатный футляр – внутри кольцо. Он вынимает кольцо. На его место аккуратно кладёт медаль; на медали надпись: «Самой обаятельной собаке». Потом рядом друг с другом выкладывает все кассеты. Закрывает футляр. Опять открывает, кидает сверху кольцо. Неумело упаковывает футляр в оберточную бумагу, неловко завязывает бантик.

Саша (секунданту). Дальше всё, как и обсуждалось. Деньги мне в машину. Это (показывает на коробочку с колье) и камеру отвезёшь мне домой. Человека доставьте аккуратно маме, до кровати.

Сцена № 29 _ Саша в машине

Саша едет в машине. Достает телефон.

Саша. Алло. Это я. К тебе заедет мой водитель, передаст подарок... Без повода, просто так. Посмотри, тебе, думаю, будет интересно. Я, собственно, вот зачем звоню. Я уеду на пару дней. Да, неожиданные дела. Телефон выключу. Вернусь в пятницу утром. Ты будь дома. Пожалуйста. Просто будь дома. Хочу, чтобы, когда я вернулся, ты была дома.

Набирает ещё один номер.

Саша. Доброе утро. Леночка, это я. Нет-нет, не заеду. Не подписал, значит, не подписал, значит, была причина. Я же предупреждал, что буду в понедельник... Я вам сейчас по другому поводу звоню. Записывайте. Вечером наберите Диму. Скажите ему, что я утром позвонил и просил его быть в понедельник у меня в девять. Пусть за выходные подготовит полный отчёт по всем объектам по Левобережному округу. Да, по всем. Записали? Только слово в слово. Обязательно скажите, что я вам это сказал сегодня утром. С голосом? Нет, не простыл, всё в порядке. Просто не выспался. Спасибо.

Саша кладёт трубку, достает диск, протягивает води-

телю. Открывает окно. Играет Верди.

Саша. Сделай погромче.

Водитель прибавляет звук, Саша откидывается назад.

Его лицо, дорога, по-утреннему пустынные улицы, а также весь дальнейший эпизод – все под музыку. Саша заваливается на сиденье, ложится.

Осада

пьеса

Действующие лица

Ветеран, *мужчина лет тридцати пяти – сорока. Одет в рубашку, застёгнутую на все пуговицы, пиджак, камуфляжные брюки и армейские ботинки. Подстрижен коротко и очень аккуратно.*

Юноша, *молодой человек лет восемнадцати – двадцати. Одет по моде.*

Первый воин.

Второй воин.

Третий воин.

Икар.

Богиня.

На сцене сидят Ветеран и Юноша. В глубине сцены закрытый занавес. Свет на сцене приглушённый. В центре сцены высокая мачта.

Когда зрители входят, Ветеран и Юноша уже находятся на сцене и уже ведут беседу. О чём они говорят, не слышно, в основном говорит Ветеран. Как только зрители расселись и прозвучал третий звонок, свет на Ветерана и Юношу усиливается, и становится слышно, о чём они говорят.

В е т е р а н. А вот ещё история... только вот покурить хочется. У тебя есть сигареты?

Ю н о ш а. Нет, нету.

В е т е р а н. Не куришь?

Ю н о ш а. Нет.

В е т е р а н. А вот это ты молодец. А я вот курю. Спортom занимаешься?

Ю н о ш а. Не-а.

В е т е р а н. А вот это зря! Спортom надо заниматься. Это обязательно. Ты же мужчина и должен быть защитником. Надо же всё время себя поддерживать. Я вот поддерживаю. Я всегда готов. Холодной водой обливаюсь. Всегда слежу за новостями, читаю газеты. Нужно всегда быть в кур-

се, а как же?! Я вот уже в твоём возрасте был готов... в любой момент. Особенно когда узнал, что попаду на войну... Я и так-то был готов, а тут ещё сильнее стал готовиться, и не только физически, но и морально, потому что всё время была мысль: как я поведу себя в первом бою? И что такое первый бой, это же интересно, как там, что там... Вот я тебе сейчас расскажу, как это было. (Встаёт и пытается всё показывать.) В общем, мы так шли... идём так, а погода хорошая, ребята все идут, все весёлые, все молодые. Ну, идём мы... а они как дали! Всё неожиданно, и ничего не понятно, все как побежали куда-то. И никто ничего не говорит. Никто и ничего. А тут один упал... Кричит как ребёнок. Тут все закричали, а эти лупят!.. (Садится на место.) Вот так всё было. Понимаешь? То есть совсем не так, как я готовился и как себе представлял. Страшно, грязно, ничего не понятно. Это уже я потом привык... (Ищет по карманам. Достает зажигалку.) Очень курить хочется! (Прячет зажигалку.) Но та последняя осада... Она просто поделила всё на то, что было до, и то, что было потом. Да-а-а, эта последняя осада! (Задумывается, трёт ладонью губы.) А потому что наши враги, наши соперники, они тоже молодцы, они же ведь не хотели, чтобы мы пришли и их победили. Они как думали – что мы придём и они нас победят. Но и мы так не хотели, чтобы мы пришли и они нас победили. Мы думали, что мы придём и их... И мы победили!!! Мы победили! Потому что, если встречаются два равных соперника, то побеждает тот, у кого сильнее

что?

Юноша не сразу реагирует. Видно, что он отвлёкся, что весь этот разговор его тяготит, ему надоело.

Юноша. Что?

Ветеран. Что «что?»?

Юноша. Вы сказали... дух?

Ветеран (машет рукой). Да дух! Ты вообще знаешь, что такое дух?

Юноша. Ну... знаю. Это... характер, воля к победе...

Ветеран (перебивает, передразнивает). Характер!.. Ни-чём ты не понимаешь. Знаешь, какие были ребята? Если бы любому из наших ребят перед той нашей последней осадой сказали бы, что ты после этой осады вернёшься без ноги, а ты вернёшься без руки, а ты вообще не вернёшься, потому что тебя убьют, – причём сказали бы, что это будет точно, не «может быть, без руки или без ноги», или «возможно, убьют», а точно. Понимаешь, точно! Всё равно никто бы не отказался. И все бы пошли в этот последний поход.

Звучит музыка. Появляется Богиня. Она медленно подходит к мачте и поднимает флажок, на котором нарисовано солнце. Свет с поднятием солнца становится ярче. В глубине сцены звучат военные команды. Звуки шагающих военных колонн, клацанье оружия. За занавесом движутся те-

ни. Подняв флаг, Богиня уходит.

В е т е р а н. А знаешь, какие раньше были люди! Богатыри! Таких щас нет, хотя где-то, конечно, они должны быть, как без них-то? Но я что-то не встречаю... Я люблю с людьми поговорить. Но сейчас и поговорить-то не с кем! Я вот с кем-нибудь начинаю говорить... А мне достаточно пятнадцать минут – и мне всё понятно о человеке. Ни с кем больше пятнадцати минут не разговариваю. Не о чем сейчас с людьми разговаривать, а вот раньше были люди! Богатыри! Хотя были, конечно, не только богатыри, были ещё... Женщины...

Ю н о ш а (усмехается).

В е т е р а н. Ну чё ты хихикаешь? Да, женщины! Но они тоже были не такие, как сейчас. В них было что-то женско-богатырское... Они были всегда добрые, не то что сейчас... Вот придёшь с боя, а она тебе, пожалуйста... Стол накрыт, всё чистенько, аккуратненько, она улыбается. Пожалуйста! Всё пожалуйста! Понимаешь? Щас тоже, конечно, есть ничего, симпатичные, я ничего не говорю. Бывает, идёшь, смотришь, вроде красивая идёт, но присмотришься, подойдёшь поближе, попытаешься заговорить, и видно – всё – целлофан! Поролон, понимаешь? А раньше были ребята!!! Хотя у нас был один маленький такой, шуплый. И если кто-то не знал, что он из нашего отряда, то подходили и спрашивали: «Это ваш, что ли?!». А он был наш! Он был хоть и маленький, зато очень хитрый. Просто природа ему силы

не дала, зато что-то в башку вложила. Очень был хитрый! Щас тоже хитрых полно. Куда ни плюнь, всё в хитрого попадёшь. Но ваши хитрые всё себе-себе. Всё им мало. А наш был молодец! Причём все знали, что если он что-то делает, то делает для того, чтобы ему в первую очередь было хорошо, но на него никто не обижался. Почему? А потому, что он сделает себе хорошо, но при этом, собака, так сделает, что и тебе тоже хорошо. А когда тебе хорошо, чего обижаться? Правильно? Вот какие были люди. Но остальные ребята были настоящие богатыри. А один у нас был вообще... Огромный, здоровый, но при этом красивый. Не такой, как сейчас. Щас все такие (кривляясь) кра-си-вы-е. А наш был по-мужски красивый. То есть, если пройдёт, приятно посмотреть. А если приятно смотреть, это же значит – красивый человек, правильно? Правда, у него с речью что-то было. То есть так вот грамотно и серьёзно с ним, как со мной, не поговоришь.

Ю н о ш а. Понятно. (Усмехается.)

В е т е р а н. Да не понял ты. Его, может, в детстве напугали. Хотя нет, если человека пугают, он заикается. А он как-то говорил... Ну, как-то (изображает) «бу-бу-бу, бу-бу-бу...». Мы его так и звали – Бубнила. А он отзывался. Я встречаю его и говорю: «Привет, Бубнила». Тот: «Бу». Вот и поздоровались. Очень он был здоровый, но при этом был не дурак. Он был очень умный. Вот, например, тебе история такая про Бубнилу... Расположились мы однажды в лесу с отрядом. Разбили лагерь. Это так в нашей военной терминологии

называется. Мы ничего не разбивали, мы лагерь разбили...
Понимаешь?

Юноша в это время отвлётся и нажимает кнопки на своём телефоне.

В е т е р а н. Э-э-э, ты что делаешь?

Ю н о ш а. А что?

В е т е р а н. Нормально?! Я с ним разговариваю, а он кнопки нажимает.

Ю н о ш а. Да я вас слушаю, чего вы?

В е т е р а н. Ты слушаешь, но не слышишь, по глазам же видно.

Ю н о ш а. Да слышу я!

В е т е р а н. Знаешь, дружок, если тебе неинтересно, так и скажи. У меня много дел, мне тут с тобой время терять неохота. Скажи: «Мне неинтересно». И всё, я пойму.

Ю н о ш а. Не-не, мне интересно.

В е т е р а н. На твоём месте я бы послушал. Таких историй тебе никто не расскажет.

Ю н о ш а (едва заметно усмехается). Это точно.

В е т е р а н. Так вот и послушай. Расположились мы в лесу, надо было отдохнуть. А мы располагались всегда просто, но красиво. У нас сразу костерок, шалашик из еловых веточек. Всё разложено аккуратно... А оружие всегда при себе. Ты запомни, оружие твоё всегда должно быть с тобой.

Юноша. Почему?

Ветеран. А ты сам подумай. Когда война кругом, что с собой нужно всегда иметь? Телефон? Нет! Оружие. Вот ты даже отойдёшь в кусты, приспичило тебе, а там, в кустах, враг. Что ты будешь, кнопки свои нажимать: «Алё-алё, тут враги!»? Когда война, нужно всегда оружие иметь при себе.

Юноша. Понятно.

Ветеран. Молодец! Так вот... расположились мы. Надо было быстренько перекусить. А у нас с этим всегда был полный порядок. Даже если ничего нету, мы всё равно найдём. Мы так были научены. В лесу – ни в лесу, всё равно не пропадём. А в лесу же благодать. Тут взял веточку, там – почечку, травинку, листик какой-нибудь, грибок. Да хоть шишку! Вот упала с ветки шишка. Такой, как ты, что сделает? Ногой её пнёт, а мы нет. У нас всё в дело. Витамины же! У нас в отряде один из всего мог всё приготовить. Так готовил! Однажды взял мох...

Юноша. Мох?!

Ветеран. Я тоже удивился. Говорю ему: «Это же мох, куда ты его?» А он говорит: «Подожди! Вот я сейчас приготовлю, ты попробуешь и тогда скажешь». Приготовил он. Я попробовал...

Юноша. Вкусно?

Ветеран. При чём здесь вкусно. Это тебе не конфета. Это мох. Это полезно! Потому что всё натуральное! Природное всё! Поэтому готовить легко и быстро. Ты вот за-

помни. Послушай меня и запомни. Вот пойдёшь куда-нибудь с компанией в ресторан, закажешь поесть. И если тебе будут готовить долго, когда еду принесут, скажи им: «Унесите! Это ненатуральное». Запомни... Так вот, быстренько мы еду приготовили, только присели поесть, как появляется командир: «Так, ребята, нужно выдвинуться вам в такое-то место». Ну, «выдвинуться» – это не значит подвинуться. Это у нас, у военных, означает пойти в определённое место. Место я тебе называть не буду, тебе не надо. Это военная тайна. А командир продолжает: «Немедленно надо выдвинуться в определённую точку, в определённое время. Встретить там соперника и уничтожить». Как ты понимаешь, приказ командира не обсуждается.

Юноша. Это я уже понимаю.

Ветеран. Поесть мы, конечно, не смогли, сразу вскочили, взяли с собой только... Что? Правильно! Оружие. И выдвинулись в определённое место. Но пришли раньше определённого времени, соперников ещё не было. Что делать? Надо осмотреться, место незнакомое. Туда-сюда посмотрели, видим, вдалеке домик. А домик – это что?

Юноша. Что?

Ветеран. Запомни, любой домик – это местное население. А с местным населением нужно что?

Юноша. Ну, говорите. Я не знаю.

Ветеран. С местным населением нужно аккуратно войти в контакт. Потому что они – местные, они тут живут. А

ты пришёл, ты – неместный. Они могут много рассказать полезного. А могут и не рассказать. Надо войти в контакт, но аккуратно. Мы сразу кого послали?

Юноша. Кого?

Ветеран. Ну не Бубнилу же! У него же контакт-то не аккуратный, жёсткий у него контакт. Мы Хитрого послали. Почему? А потому что он – хитрый. Не знаю, как, но он с любым войдёт в контакт, легко. Он ушёл, вскоре возвращается, говорит: «Ребята, всё нормально, там только один дед...». Дед, понимаешь?

Юноша. Ну понимаю. Дедушка.

Ветеран (раздражённо). Нет, не дедушка! Дедушка – это который с бабушкой. А это дед. Один. Старый такой человек, а не дедушка. Я же тебе точные термины говорю!

Юноша. Ну хорошо, хорошо.

Ветеран. Не перебивай, вообще! Я важную историю рассказываю. Так вот, Хитрый говорит нам: «Там сидит дед, старый человек там сидит». Мы тоже туда пошли, тоже стали входить в контакт, мол, здрастье, как здоровье, что у вас и как? А он говорит: «Да вот, сижу». А я ему: «Чего сидишь, дед?» А он: «Да вот, ногу вывихнул». А я: «А ты лечись», – говорю. А он: «Куда мне. Я тут один. Таблеток никаких нету. И сходить некому». А я ему: «Дед! Ты же старый человек, какие таблетки? Там же химия, там всё ненатуральное. Тут же вся аптека у тебя под рукой». Взял я подорожник, поплевал, приложил. Говорю ему: «Завтра перевязку сделаешь

сам. Сам, потому что мы сейчас уйдём. У нас тут важное дело, про которое я тебе говорить не буду. Сам сделаешь перевязочку и будешь как новенький. Кстати, ты наших соперников тут не видел?» То есть, понимаешь, я в контакт уже вошёл, а значит, можно спрашивать о важных сведениях. Дед говорит: «Не видал». Тогда я ему: «Ну тогда мы пошли, если у тебя никаких просьб нету».

Дед подумал и говорит: «Ребята, есть у меня маленькая просьба, у меня тут кони...». Мы как услышали слово «кони»! В наше время коней-то уважали. Любили коней. А ты, наверное, и коня-то не видел живого.

Ю н о ш а. Видел я.

В е т е р а н. В цирке? Я ж тебе сказал, не перебивай меня. В наше время коней уважали. Мы ему сказали: «Дед, для коней что хочешь сделаем, показывай, где твои кони». А он говорит: «У меня кони на дальнем пастбище, потому что конюшню почистить не могу, нога болит, да и сил нет. Помогите, ребята, конюшню почистить». Мы говорим: «Хорошо, дед. Только ты уж нам накрой стол, а то мы тут на голодный желудок. Мы тебе быстренько поможем, а ты уж нас накорми». Он говорит: «Хорошо». Мы пошли к конюшне. Конюшня у него большая, огромная, можно сказать, конюшня. Ну, мы идём, а я чувствую, пахнет... Это нормально, в деревне должно пахнуть. Чем в деревне пахнет? Ну сеном, ну навозом... А тут пахнет только навозом. Сеном вообще не пахло. А навозом – очень сильно. Заглянули мы в конюшню...

Смотрю я и вижу: кони здесь понаделали будь здоров! Тут быстро ничего не сделаешь. Тут нужно в три раза больше народа и три дня. Тогда я говорю: «Ну ты даёшь, дед! Тут надо три дня и в три раза больше народа, у нас времени нет, ты нам еду не готовь, мы пойдём». А он говорит: «А я вам тогда не буду еду готовить, если вы не будете работать». А я ему отвечаю: «Наоборот, дед, это мы тебе помогать не будем, поэтому нам не надо готовить». А он своё: «Тогда я вам не буду готовить, если вы не будете помогать». Я к нему подошёл и говорю ему: «Ты не понял, дед! Это мы тебе помогать не будем, поэтому не надо...». В общем, поссорились мы с этим дедом. Потом выдвинулись в нужное место. Как раз подошли соперники, мы с ними быстро разобрались и решили уже уходить, как, смотрю, вроде одного в нашем отряде не хватает. Посчитались, точно, одного не хватает. Посмотрели среди мёртвых – одни соперники. Сделали переключку, не хватает Бубнилы. Нормально? Бубнилу потеряли. Стали его искать, смотрим, идёт. Идёт от дедова дома. Шагает широко. А за ним дед, едва поспекает. Я ему говорю: «Бубнила, ты где пропал? Мы тут без тебя всё закончили». Он: «Бу-бу». Я говорю: «Понял. Пошли». А дед подбегает и говорит: «Ребята, пойдёмте ко мне, я там стол накрыл». А я ему: «Надоел ты, дед. Мы тебе помогать не будем». А он: «Да не надо уже. Пойдёмте, поешьте по-человечески». Нас долго уговаривать не надо, пошли. Посидели хорошо. Это мы умеем. А мне так интересно у деда спросить, что же произошло, чего это он к

нам так поменялся. Да и запаха не стало, воздух такой свежий, сеном запахло. Думаю, пойду, посмотрю. Пошёл, заглянул в конюшню... А я очень люблю, когда порядок, когда чистота! А тут заглядываю в конюшню, а там знаешь что?

Юноша. Чистота?

Ветеран. Нет! Там чудо! Чудо, понимаешь? Это надо было видеть, сколько там добра было, а тут не просто чистота, а идеальная чистота. И кони вернулись. Я обалдел, но у деда спрашивать не стал. Поссорились мы с дедом. А знаешь, что случилось?

Юноша. Что?

Ветеран. Это я потом уже у других местных узнал. Оказывается, этому деду хромому помог один здоровый парень, который плохо разговаривает. Кто это, как ты думаешь?

Юноша. Кто?

Ветеран. Ну, Бубнила, конечно! Я, например, сразу догадался.

Юноша. А-а-а.

Ветеран. Не перебивай. Местные рассказали, что наш Бубнила остался, когда мы ушли, и деду помог. Там рядом речка протекала, он эту речку перегородил и всю воду в конюшню направил. Прогнал он эту речку через конюшню, русло разгородил – и всё. Водой всё добро смыло. Наш Хитрый до такого не додумался, а Бубнила додумался. Во какой человек! Умный! А ещё какой? Мы-то с дедом поссорились и ушли. А он-то видел, что человек старый и одинокий. По-

мог человеку. Добрый! А ещё скромный! Другой бы на его месте стал бы хвастаться: «Вы, мол, ушли, а я один тут остался, такое придумал...». Мог бы? Мог! А он ничего не сказал. Сел со всеми вместе, покушал. Сказал тихонечко: «Бу», мол, спасибо – и всё. Во какие люди были, таких сейчас нет, а раньше были.

Звучит музыка. Ветеран и Юноша погружаются в темноту. Занавес в глубине сцены открывается. Мы видим античную постройку, вдалеке море. Перед античной постройкой стоят Первый воин, Второй воин, Третий воин. Они медленно выходят вперёд. Одеты они в античные костюмы, при оружии.

Т р е т и й в о и н. Я боюсь, что меня неправильно поймут, но тем не менее я не могу больше молчать. Я должен сказать и скажу. Прошу вас, умоляю вас, услышьте меня! Так дальше продолжаться не может. Ситуация, в которой мы с вами оказались... Она патовая...

П е р в ы й в о и н. Какая?

Т р е т и й в о и н. Патовая. Это из шахмат. Шахматный термин. Значит безвыходная, безысходная.

П е р в ы й в о и н. А, понятно.

Т р е т и й в о и н. Тупиковая!

П е р в ы й в о и н. Я понял. Патовая.

Т р е т и й в о и н. Никто уже не помнит, по какой причи-

не мы приплыли сюда и стоим под этими стенами. Каждый день мы теряем наших друзей и товарищей. Мы теряем лучших из нас. Так дальше продолжаться не может и не должно! Мне представляется, что у нас остался один-единственный выход, друзья мои... Мы должны попробовать начать договариваться.

Первый воин. Чего попробовать начать?

Третий воин. Попробовать вступить в мирный диалог.

Первый воин. Куда попробовать вступить?

Третий воин. Инициировать переговоры.

Первый воин. Чего сделать?

Третий воин. Иници... Ну то есть начать переговоры.

Первый воин. С кем?

Третий воин. Ну с кем, с кем?

Первый воин. Ну с кем вести переговоры?! С кем?!

Третий воин (делает жест в сторону зрительного зала). С ними, с кем ещё?

Первый воин. С кем, с ними? С врагами с нашими, что ли?!

Третий воин. Почему с врагами? Зачем так?

Первый воин. А с кем?

Третий воин. Ну-у-у... С соперниками... С оппозицией.

Первый воин. А, с оппозицией? То есть ты предлагаешь прекратить нашу военную операцию под названием «Осада» и начать неизвестно какую операцию: «Куда-то там

вступить»?

Т р е т и й в о и н. Только не заводись, не горячись!

П е р в ы й в о и н. А я не горячусь! Я просто пытаюсь тебя понять. То есть ты предлагаешь забыть про наших павших друзей-товарищей, которые полегли под этими проклятыми стенами (делает жест в сторону зрительного зала). Забыть про наших раненых, про наших ветеранов, которые ждут нас с победой! Ты предлагаешь про это всё забыть и куда-то вступить? Да?!. Нет, дорогой мой! Только победа! Нам нужна победа! Окончательная и бесповоротная! И вот когда мы пройдем сквозь эти стены, зайдём в этот проклятый город, прошагаем по центральной улице... Когда поднимем на их площади наш флаг! А они на коленях перед нами, в грязи, с вытянутыми вверх руками... Когда они нам тихонечко скажут жалобными голосами: «Мы сдаёмся», – вот тогда мы можем начать с ними разговаривать. Мы им скажем: «Давайте, ползите, ползите». Вот какие могут быть переговоры! А когда они поползут в грязи, вот тогда мы скажем: «Оппозиция поползла».

Т р е т и й в о и н. Знаешь, о чём я думаю сейчас?

П е р в ы й в о и н. О чём?

Т р е т и й в о и н. Сколько же раз я слышал эти лозунги! Как же мне это надоело!

П е р в ы й в о и н. Чего ты слышал?

Т р е т и й в о и н. Да вот такие призывы: «Мы должны разрушить стены, поставить всех на колени, поднять наш

флаг...».

Первый воин. Да, именно...

Третий воин. А зачем поднимать флаг, что это значит? Ты подумай! Это же просто тряпочка на палочке.

Первый воин. Ты как наш флаг сейчас назвал?!

Третий воин. Я тебе так скажу... Знаешь, что это такое, все эти флаги?

Первый воин. Ну скажи, что это.

Третий воин. Это – анахронизм!

Первый воин. Чего это такое?! Ещё раз повтори.

Третий воин. Это – старые заскорузлые символы, которые уже никого не вдохновляют, и все твои призывы – это анахронизм. Неужели ты не чувствуешь?

Первый воин. Я всё чувствую! Не вдохновляет, говоришь? А вот его вдохновляет. (Показывает на суровое лицо Второго воина.) Его вдохновляет! Символы, говоришь? Да, нам нужны символы, народу нашему нужны символы! Тряпочка на палочке, говоришь? А для народа это символ! Как тебе не стыдно такое говорить?! Это же наш народ! А народ – это наши матери, отцы, которые состарились, ожидая нас. Это наши жёны, дети, которые ждут нас годами. Это люди, которые обувают тебя, одевают, заботятся о тебе, любят тебя. Им нужны символы, а не этот твой... Слово-то какое нашёл, анна... хренизм...

Третий воин. Всё-всё, можешь дальше не продолжать, мне уже всё понятно. Оставайся со своими символами.

Первый воин. Символы ему наши не понравились, нормально вообще?!

Третий воин. Да я знал, что вы меня неправильно поймёте. Вот вы меня неправильно и поняли. Ты же все мои слова неадекватно понял, извратил и совершенно не пожелал меня услышать.

Первый воин. Ты так говоришь, что тебя и понимать-то не хочется. А я тебе скажу просто. Всем нам нужна победа, и заменить победу ничем. А тебе, как я понимаю, победа не нужна.

Третий воин. Ну зачем ты всё с ног на голову, я же не отказываюсь от победы. Ты просто не слышишь меня. Мне победа нужна точно так же, как и вам. Просто, может быть, существует какая-то иная победа, не такая, какую ты здесь сейчас изобразил. Победа без этих набивших оскомину символов. Не та, которую ждёт народ... И потом, откуда ты знаешь, что нужно народу? Нечего всё время пенять на народ.

Второй воин (очень громко). Ты не трожь народ! Что ты сказал? Пинать народ? Не смей! Ты сам народ. Вот нас сюда народ послал... Мы тут стоим... На самом острие. А народ у нас за спиной, и мы стоим здесь и должны стоять.

Третий воин (отворачивается). Ну вот ещё один.

Второй воин. Мы плоть от плоти, кровь от крови народа! А ты не юли! Ты объясни нам, чего ты добиваешься. Я хочу понять! Ты не думай, что ты тут самый умный, а мы тут дураки. Ты объясни. Это про какую такую другую победу ты

тут толкуешь? То есть ты хочешь, чтобы мы пошли и с ними (делает жест в сторону зрителя) договорились, типа: «Ребята, что-то нам надоела эта осада, что-то устали мы торчать под вашими стенами. Давайте так. Мы пойдём домой, но типа мы не проиграли, а вы оставайтесь, но типа вы не победили». Так, что ли? Нет, дружок! У меня тут дед воевал, отец воевал, и я здесь воюю. У меня сын дома. Он уже высокий и здоровый парень. Он рос без меня. И вот, если мы сделаем, как ты предлагаешь, вернусь я домой, и что я им всем скажу? Сын у меня спросит: «Где ты, пап, столько лет был?», мне что ему сказать: «Да вот, сынок, сходил, поговорил. Разговор был серьёзный, заболтались там с одними людьми». А деду что мне сказать? Он нас спросит: «Как вы там, ребятки?» А мне что ему сказать: «Деда, всё очень хорошо. Мы там просто очень хорошо договорились». Нет, я такого им сказать не могу. Это то, что ты предлагаешь, – заскорузлый нахронизм. Слова-то какие подобрал! На-хронизм заскорузлый у него...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.